В этом номере:

ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ—РАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИК ВСЕХ СВОБОДОЛЮБИВЫХ НАРОДОВ.

•

Глава из книги И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

•

Рассказ словацкого писателя П. Карваша «Случай в милиции».

•

ЧИТАТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ ПИСЬМО ЖЕНИ N.

•

Начинается печатание приключенческой повести В. Ардаматского «Он сделал все, что мог», с иллюстрациями П. Пинкисевича.

•

О жизни семьи сталинградцев Марковых рассказывается в фотоочерке «...И счастья в личной жизни...»

На снимке: сталинградцы Петр Лукьянович Марков и его дочери Галина и Тамара. →

ОГОНЁК

№ 19 МАЙ 1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1943 ГОД. Первый день в освобожденном Сталинграде.
Фото Г. Зельма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1716)

8 МАЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

1945 ГОД. Над Берлином взвилось Знамя Победы.
Фото Е. Халдея.

Ленинград.

ПЕРВОМАЙ

Киев.

ПРАЗДНОВАЛА

Вильнюс.

ВСЯ

Ереван.

СТРАНА

Ташкент.

Москва, 1 Мая 1960 года.
На трибуне Мавзолея.

Товарищи Д. С. Полянский, Н. Г. Игнатов, П. Н. Поспелов, Л. И. Брежнев, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов, Н. М. Шверник, А. Б. Аристов, Н. С. Хрущев, Отто Гротеволь, К. Е. Ворошилов, Е. А. Фурцева, Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, О. В. Куусинен, А. Н. Косыгин направляются на трибуну Мавзолея.

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПАРАД И ДЕМОНСТРАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ: Из Чехословакии, Франции, Африки, Австрии,

Гости из Китая,

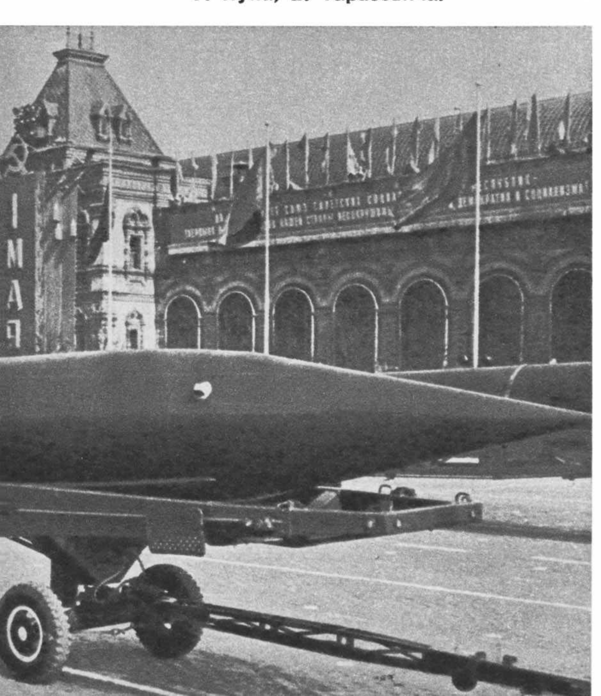

Польши, ГДР,

Индии.

Фото М. Агеева, Дм. Бальтерманца, А. Бочинина, В. Бражаса, А. Гостева, Н. Карасева, Б. Немрута, Г. Пуна, В. Тарасевича.

ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В Москве 5 мая открылась пятая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва.

В повестке дня сессии:

об отмене налогов с рабочих и служащих;

о мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день;

об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

С докладом об отмене налогов с рабочих и служащих и других мероприятиях, направленных на повышение благосостояния советского народа, выступил Председатель Совета Министров СССР и Первый секретарь ЦК КПСС депутат Н. С. Хрущев.

Большой, яркий доклад Н. С. Хрущева был выслушан с огромным вниманием и неоднократно прерывался бурными аплодисментами.

Фото А. НОВИКОВА.

ЗЛАТА ПРАГА—

Есть чешская народная песня, сложенная еще в те времена, когда солдаты Суворова проходили через Чехию, направляясь в итальянский поход:

...Сам Вацлав в старинных латах,
Говорят, который год
Ждет российского солдата,
Что свободу принесет.
Будет воздух пьян, как брага,
Влтава вспенит синий вал,
И войдет в ворота Праги
Храбрый русский генерал.

И действительно, чудесная Влтава вспенилась синими волнами, когда 9 мая 1945 года на помощь восставшим пражанам в сокрушающем строю пришли в Прагу танковые корпуса Рыбалко и Лелюшенко прямо из-под Берлина, овеянные славой легендарных побед, запыленные пылью дальних дорог, прокопченные порохом невиданных сражений.

И этот день явился днем свободы для чехов и словаков — народов нам близких, братских, родных. Навсегда закончилась тирания гитлеровцев, и страна Яна Гуса и Яна Жижки, чьи доблестные имена всегда были знаменем для чехословацкого народа, вступила на путь новой, радостной жизни.

Нам, советским людям, дорога дружба чехословацкого народа, дорога славная чехословацкая земля! Давным-давно между нами возникли и крепли дружеские связи. В 1886 году Петр Ильич Чайковский на сцене Пражского национального театра дирижировал оперой «Евгений Онегин» и дал концерт из своих произведений в Пражской филармонии. Свои впечатления он изложил в следующей записи:

«Это один из самых замечательных дней в моей жизни. Я очень полюбил этих добрых чехов. Да и есть за что! Господи! Сколько было восторгу, и все это совсем не мне, а матушке России».

Чайковский был родным для чехов, так же как и для нас стали родными Бедржих Сметана и Антонин Дворжак. Гастроли Художественного театра, пьесы Чехова и Горького, ставившиеся с начала нынешнего столетия, пробуждали у чехов и словаков демократические идеи, привлекали народные чувства к великому славянскому соседу.

Ярослав Гашек так же любим у нас, как и на своей родине, и неунывающий бравый солдат Швейк, воплощение бодрого, вечно живого народного духа, нам мил не меньше, чем словакам и чехам. Мы помним и то, что Ярослав Гашек был работником политотдела V армии и вместе с нами воевал против белогвардейцев. Чехословацкая Народная Армия создавалась у нас, на советской земле, обучалась под Бузулуком и потом вместе с советскими войсками — сперва в качестве бригады, а потом корпуса — дралась под Соколовом, Киевом, Овручем, на Дуклинском перевале. Подвиги капитана Яна Налепки и надпоручика Отокара Яроша обессмертили их имена, звание Героя Советского Союза сделало их навеки близкими нашему народу. Юлиус Фучик, доблестный чешский патриот и коммунист, дорог сердцу каждого советского человека, а его книга «Репортаж с петлей на шее» — одна из любимейших наших книг.

И, конечно, каждый советский человек, приезжающий в Чехословакию, заранее несет в себе чувство любви к ее народу — чувство, взращенное традициями взаимной дружбы и исконными привязанностями.

Мне довелось быть в Чехословакии только один раз, в прошлом году, когда вместе с группой советских журналистов я поехал в Брно, на Брненскую промышленную ярмарку. Поездка была короткой, но, может быть, именно поэтому впечатления оказались так сильно сконцентрированы, густы, насыщенны, что и до сих пор не потухли краски и не погасли чувства, возбужденные этой поездкой.

В Москве была холодная осенняя погода, дул резкий сентябрьский ветер, заставлявший ежиться и поднимать воротник, а через два с половиной часа, когда наш «ТУ-104» приземлился на пражском аэродроме, чехословацкая столица встретила нас ясным солнечным закатом, совсем летним теплом, белыми костюмами пражан. Таможенный служащий, ознакомившись с моим паспортом, приветливо подмигнул мне и сказал: «О! Есть чех Кру́жка!». «Очень рад»,— заметил я. «Рад, рад»,— подтвердил он.

Вскоре мне пришлось убедиться, что многие чешские слова отлично воспринимаются русским ухом. «Хлеб», «вода», «лес», «утро», «лето», «зима», «рука», «нога» в переводе не нуждаются, а «ржека» совсем не далеко ушла от нашей «реки».

В Брно шумная, раскинувшаяся на большом пространстве ярмарка являла собой парад мощной чехословацкой промышленности. Каких только тут не было машин, станков, моторов, автомобилей, тракторов, промышленных товаров массового потребления!

Чехословакия — страна машиностроителей, металлургов, энергетиков, шахтеров, химиков; могуч и славен ее рабочий класс! Когда едешь по Чехословакии, всюду видишь фабрики, заводы, шахты, и только ближе к востоку, где начинают тесниться поросшие густыми лесами отроги горных хребтов, природа как бы одолевает человека.

Но меня манила Прага, злата Прага, с ее старинными башнями и замками, с ее поэтической Влтавой, узкими, средневековыми улицами, которые можно было перекрыть алебардой стражника, и широкими новыми проспектами, с ее площадью Вацлава и Староместской ратушей, с ее Вифлеемской часовней, где проповедовал магистр Ян Гус, и собором св. Витта, с ее Карловым мостом. С каким злорадным наслаждением проводил я своих товарищей, улетавших домой, а сам остался еще на два дня! Старый чешский коммунист Карел Марек, в прошлом солдат Интернациональной бригады в Испании, взялся сопровождать меня по Праге, и, хоть русский язык его был весьма далек от совершенства, я с наслаждением вспоминаю часы, проведенные вместе. Мы с ним взбирались на ратушу и оттуда смотрели на широкую панораму Праги, полную островерхих крыш. Мы гуляли по аллеям старых парков и любовались дворцами.

«Здесь выступал Моцарт»,—

Прага. Карлов мост.

—БЕЛОКАМЕННА МОСКВА

Открытие выставки «Чехословакия 1960 года». На снимке: руководители партии и правительства Советского Союза и члены партийно-правительственной делегации Чехословакии направляются к главному павильону выставки.

Фото Е. Умнова.

говорил мне Марек, и мурашки бегали у меня по спине. Мы заходили в старинные соборы. «Вот тут похоронили Тихо Браге»,— почтительно шептал Марек. Боже мой, когда же это было? В 1601 году! «Здесь проходила пражская конференция,— сказал он мне перед большим домом на Гибернской улице,— а теперь здесь музей Ленина. Вот еще одна нить, соединяющая наши народы!»

Мы заходили с ним в кафе, где не только завтракают, но и читают, работают, беседуют с друзьями. Мы ели неизменные кнедлички с «омачкой» («подливкой»), с «масем» («мясом») или «вайцем» («яйцами»). Мы, конечно, забрели к «Святому Фоме», где пили пиво, изготовленное по рецептам 400-летней давности. Мы дышали воздухом Праги, бродили среди жизнерадостных, веселых, приветливых пражан. День наш начался рано утром, а кончился рано вечером: к 10 часам город пустеет, укладывается спать, готовясь к трудовому дню.

А ночью поезд повез меня в Москву. Мы простились с Мареком по-братски, и казалось мне, что знаю я его десятки лет.

Утро застало меня уже в Словакии. Позади осталась Чехия с ее кипучими городами и чистенькими, прибранными селами, похожими на городки. Слева нависали крутолобые горы — Татры.

Какая хорошая, добрая страна! И мне вспомнился рассказ Марека о том, как в годы гитлеровской оккупации известный чешский капиталист Ян Батя, брат кровавого Томаша, всерьез носился с проектом переселения всех чехов и словаков в Южную Америку, чтобы угодливо очистить «жизненное пространство» для немцев. Очень здорово, что чехословаки выбросили из своей страны пинком Батя и других таких же Батей!

И жизнь пошла без них и расцвела ярким цветом.

В прошлом году в Москве огромным успехом пользовалась Чехословацкая выставка стекла. Все убедились в несравненном искусстве чешского рабочего, умеющего делать совершенные образцы красоты из простого стекла.

3 мая в Москве, в Сокольниках, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии и президент Чехословацкой Республики Антонин Новотный открыл выставку «Чехословакия 1960 года». Вы легко можете совершить путешествие по Чехословакии и увидеть, как умеют работать чехословаки, какие у них золотые руки, сколько талантов и знаний накоплено у них, как они любят свою землю и как умеют извлекать дары ее недр.

На открытии выставки присутствовали руководители Коммунистической партии и Советского правительства. С яркой речью выступил Никита Сергеевич Хрущев. Он сказал: «Нет сомнения в том, что чехословацкая выставка в Москве поможет советским людям не только еще больше узнать о достижениях народов Чехословакии в строительстве социализма, но и многому научиться у своих чехословацких братьев». Вероятно, ни один москвич не упустит этой возможности побывать на выставке и воочию увидеть Чехословакию — страну, где лозунг «Чест праци» — «Честь труду» — стал национальным приветствием.

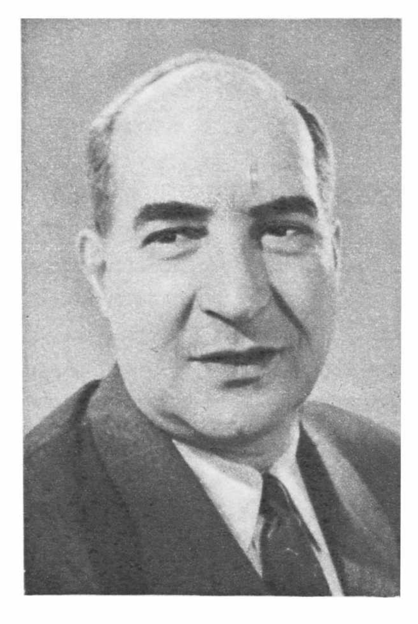
Ник. КРУЖКОВ

Доктор Сукарно.

Сайрус Итон.

Лоран Казанова.

Александр Евдокимович Корнейчук.

Мир облетела новая приятная весть. Группе выдающихся общественных деятелей присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Советский народ горячо поздравляет с высокой наградой доктора Сукарно — общественного и государственного деятеля (Республика Индонезия), Сайруса Итона — общественного деятеля (США), Лорана Казанова—общественного деятеля (Франция), Александра Евдокимовича Корнейчука— писателя, общественного деятеля (СССР) и Азиза Шерифа—общественного деятеля (Иракская Республика).

Азиз Шериф.

НАДО ПРОЯВИТЬ ДОБРУЮ ВОЛЮ

Лорд Бертран РАССЕЛ,
английский философ

Все должны надеяться на то, что совещание на высшем уровне будет происходить в конструктивном духе, с целью достигнуть обязывающих все стороны соглашений. На мой взгляд, важно, чтобы были приняты вполне определенные решения, и я полагаю, что каждая сторона должна проявить добрую волю принять некоторые положения, которые она не может полностью приветствовать, при условии, что другая сторона сделает то же самое. Я думаю, что дело не столько в том, какое именно соглашение будет заключено, сколько в том, что соглашение должно быть достигнуто.

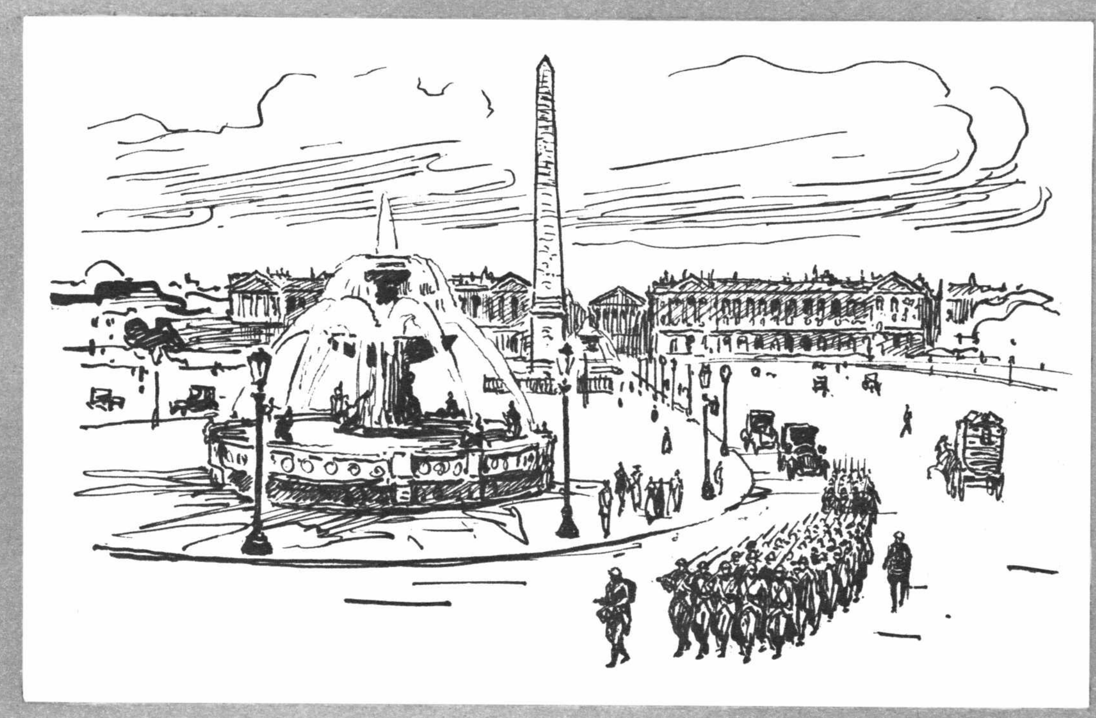
Конференция по прекращению ядерных испытаний тянется с утомительной продолжительностью, и хотелось бы надеяться, что совещание в верхах сделает возможным прекращение ядерных испытаний навсегда.

Заседания Комитета десяти стран по разоружению до сих пор происходили в обстановке излишних споров. Я горячо надеюсь, что совещание на высшем уровне найдет компромисс, приемлемый для обеих сторон, и сделает настоящий шаг к разоружению.

Мне кажется, что германская проблема покамест, быть может, еще не созрела для полного разрешения, но я думаю, что уже теперь было бы возможно приблизиться к такому решению и тем самым смягчить напряженность.

Человечество нуждается в мире и разоружении. Если совещание глав четырех правительств не достигнет ничего в этом направлении, общественное мнение будет разочаровано и осудит это, кто бы ни был в этом повинен. Если же, однако, будут достигнуты плодотворные соглашения, может начаться надежное продвижение к миру и добрым взаимоотношениям, это принесет плоды, которыми будут наслаждаться все.

В 1916 ГОДУ

Илья ЭРЕНБУРГ

Я посылал в «Биржевку» письма, преисполненные негодования: почему мои фронтовые очерки появляются в исковерканном виде? Письма не помогали. Я продолжал посылать очерки и постепенно привык к тому, что мои статьи приглаживаются, а иногда даже приписывают мне чужие мысли. Шел третий год войны, а все ко всему привыкли; это было самым страшным.

В маленьком городке Пикардии Альбере в полуразрушенном доме жила кабатчица с четырьмя детьми. Она больше не обращала внимания на снаряды, жаловалась, что подорожало вино: сто шестьдесят франков гектолитр. Она бойко торговала: солдаты пили подорожавшее вино. Детям ее казалось, что люди всегда живут под обстрелом.

Возле английской батареи была мельница; конечно, она не работала, но старик мельник остался в своем домике. Немцы били по батарее, а старик думал об одном: боялся, что солдаты растащат мешки из-под муки или их испачкают.

В погребах Реймса шла будничная жизнь: в одном погребе печаталась газета «Восточный вестник», в другом была школа, в третьем — парикмахерская.

В маленьких французских городах до войны имелся обязательно «Crieur public» — служащий мэрии, который обходил улицы с барабаном и выкрикивал: у такого-то сбежала собака, такой-то потерял портфель. Радиоприемников еще не было, и о мобилизации французы узнали от этих «герольдов». В Компьене я видел старика с барабаном; ложились снаряды, а он хрипло выкрикивал, что одна дама потеряла брошку, нашедшему будет дано вознаграждение.

В окопах шла окаянная и все же будничная жизнь: ждали почты, давили вшей, ругали офицеров, рассказывали похабные анекдоты; потом умирали.

Английские солдаты каждый день обязательно брились: смерть смертью, но нельзя не бриться.

Гийом Аполлинер был влюблен: писал Лю письма, писал и стихи. Он посылал статьи в журнал «Французский Меркурий». Принесли в окоп почту. Гийом Аполлинер читал очередной номер журнала, где была его статья, когда осколок снаряда ранил его в голову.

Возле Ланса я как-то спросил французского солдата, который копошился возле чудом уцелевшего домика, можно ли пройти дальше, обстреливают ли немцы дорогу. Он ответил, что не знает: он не на фронте, он приехал на шесть дней к жене, которая осталась в этом домике.

В одной деревне зуавы разыскали женщину, которой было далеко за сорок; они восторженно кричали; у домика выстроился хвост. Военное командование открыло публичные дома для солдат. В лагере Мальи были «французские дни», «бельгийские».

Зима была невиданно суровой, замерзла Сена. Не было угля. Люди мерзли. Правительство твердило об экономии; решили два дня в неделю обходиться без пирожных; в дорогих ресторанах можно было получить закуску, суп, рыбу, а после этого только одно мясное блюдо — или бифштекс или утку,— ничего не поделаешь, третий год войны!.. Дамские портные, как всегда, диктовали новые моды: короткие юбки, маленькие шляпы, похожие на солдатские, костюмы голубого, защитного цветов. В газетах печатались рекламы духов, снотворных препаратов и протезов для инвалидов. Газеты писали, что аскетизм не к лицу французам, он признак слабости, а Франция уверена в победе. Кинотеатры были переполнены; каждую неделю показывали новую серию «Тайн Нью-Йорка».

Однажды с Диего Ривера я увидел в маленьком кинотеатре незнакомого мне актера. Он бил посуду и мазал краской элегантных дам. Вместе с другими мы гоготали; но когда мы вышли из зала, я сказал Диего, что мне страшно: этот маленький смешной человечек в котелке показывает всю нелепость жизни. Диего ответил: «Да, это трагик...» Мы сказали Пикассо, чтобы он обязательно посмотрел фильм Шарло — так тогда называли еще никому не известного Чарли Чаплина.

В «Ротонде» художники продолжали толковать о кубизме. В штабе армии угрюмый капитан сидел над ворохом фотографий. Впервые я увидел землю, снятую с воздуха; это чрезвычайно напоминало рисунки Метсенже или Глеза. (В 1948 году Пикассо прилетел во Вроцлав и, смеясь, сказал мне: «Мир сверху похож на некоторые мои холсты...»)

На английском фронте в бараках «Объединения молодых христиан» подавали бутерброды; по воскресеньям утром там бывало богослужение, вечером — кино. На стенах висели назидательные плакаты: о любви к богу, о преимуществах трезвости, о том, как нужно остерегаться венерических заболеваний.

Все стали суеверными; мало кто решался закурить третьим от одной спички. Дамы-патронессы не теряли времени: всучивали солдатам, уезжающим на передовые позиции, ладанки с изображением Лурдской богоматери. Ладанки брали: кто знает?..

(Один сенегалец подарил мне талисман, сказал, что он лучше всех ладанок; это были зубы, не знаю, немца или француза.)

Унтер-офицеры наказывали сенегальцев впрок — для острастки. Черных посылали на верную смерть. Сенегальцы кашляли, болели, не понимали, где они и почему их убивают. Угрюмо молчали жители Индокитая, маленькие загадочные люди, которых привезли на военные заводы. В те годы кровью выписывался счет, который много спустя был предъявлен к оплате.

1916 год был, кажется, самым кровопролитным: Сомма, Верден. На каждом шагу в Париже можно было увидеть заплаканных женщин. Солдаты стояли насмерть. Накануне второй войны я прочитал дневники Пуанкаре. Вот записи, относящиеся к тем дням, когда шла битва за Верден: «Клемансо, считая, видимо, что отныне министерский кризис стал маловероятным, обрушивается теперь на меня... Буржуа находит, что Бриан слишком склонил весы в пользу противников Жоффра... Нуланс был агрессивен и сыграл на руку радикалам против Тома... Бриан в своей реплике щадил Клемансо...»

Иностранные корреспонденты жаждали сенсаций, старались завести знакомства с денщиком Галлиени, с шофером Жоффра, с горничной Бриана; в свободное время они волочились за француженками, пытались их подкупить американскими конфетами. Все ругали цензуру. Барзини сиял: ему удалось присутствовать при расстреле; он говорил с раздражением и с восхищением: «Этот мерзавец был удивительно спокоен!..» В Париже я ходил в Дом прессы. Милош рассеянно объяснял мне, что наступление приостановилось из-за дурной погоды; он думал, наверно, о стихах Рильке и о том, что человек обречен.

В том же Доме прессы мне давали бюллетени; речь шла неизменно о «возрастающих ресурсах». Людей становилось меньше, пушек и самолетов больше. Начались массированные танковые атаки. Депутат-социалист Браке рассказал мне, что парламентская комиссия рассматривает скандальное дело, связанное с поставками вооружения. Никогда люди не богатели так быстро, как в те дни. Война была большим предприятием. Я начал тогда думать о «Хулио Хуренито» — хорошо бы рассказать о грандиозном хозяйстве, занятом

Глава из книги «Люди, годы, жизнь».

истреблением людей. В романе я его назвал «хозяйством мистера Куля».

(В моей книге Хулио Хуренито изобретает средство, с помощью которого можно истреблять людей оптом. Я бестолково описал само изобретение, признавшись, что «по моей прирожденной тупости к физике и математике я ничего не усвоил». Хуренито предложил мистеру Кулю использовать оружие массового уничтожения, но тот ответил: «Я прошу вас, дорогой друг, до поры до времени никому о вашем изобретении не говорить. Ведь если так просто и легко можно убивать людей, война через две недели закончится и все мое сложное хозяйство погибнет. А моя родина только еще собирается воевать».

Дальше я писал, что мистер Куль объяснил мне: «Немцев можно добить французскими штыками, а фокусы Хуренито лучше оставить впрок для японцев». Когда я был в Японии, меня часто спрашивали, почему в 1921 году, когда Япония была союзницей Америки, я писал, что новое смертоносное оружие американцы испробуют на японцах. Я не знал, что ответить. Почему в 1909 году, задолго до открытий Резерфорда, Жолио-Кюри, Ферми, Андрей Белый писал: «Мир рвался в опытах Кюри атомной, лопнувшею бомбой на электронные струи невоплощенной гекатомбой»?.. Может быть, такие обмолвки связаны с работой писателя?)

Я говорил, что первая мировая война была черновиком; но этот черновик никто не назовет детским лепетом. Шли газовые атаки (одной из жертв был Леже). Инвалидов с лицами, изуродованными огнеметами, не выпускали из госпиталей: они слишком пугали встречных. Вот моя запись, относящаяся к 1916 году:

«В Пикардии немцы отошли на сорок — пятьдесят километров. Повсюду видишь одно — сожжены города, деревни, даже одинокие домики. Это не бесчинство солдат; оказывается, был приказ, и саперы на велосипедах объезжали эвакуируемую зону. Это пустыня. Города Бапом, Шон, Нель, Ам сожжены. Говорят, что немецкое командование решило надолго разорить Францию. Пикардия славится грушами, сливами. Повсюду фруктовые сады вырублены. В Шони я сначала обрадовался: груши, посаженные шпалерами, не срублены. Я подошел к деревьям и увидел, что все они подпилены, их было свыше двухсот. Французские солдаты ругались, у одного были слезы на глазах».

Дату выдает только одна деталь: саперы на велосипедах...

Осенью 1944 года в Глухове, накануне освобожденном нашей армией, я увидел фруктовый сад, а в нем аккуратно подпиленные яблони; листья еще зеленели, на ветках были плоды. И наши солдаты ругались, как французы в Шони.

Это не новелла писателя, не статья о природе германского милитаризма, это только два дня одной жизни.

В самом начале войны немцы сожгли занятый ими на короткий срок городок Жербевилле (около Нанси). Когда я приехал туда, жители ютились в бараках, землянках. Они рассказывали: из пятисот домов осталось двадцать; сто человек расстреляли. Почему? Этого никто не знал. Почему в Сенлисе или в Амьене немцы, войдя в город, начали убивать жителей? Я видел в 1916 году немецкие объявления о казни заложников; такие объявления снова появились на стенах французских городов четверть века спустя...

Говорили, что многое придумал Гитлер; нет, он только многое усвоил, осуществил в грандиозном масштабе. В одном из очерков я приводил текст приказа германской комендатуры местечка Ольн в районе Сен-Кентена: для уборки урожая все население пятнадцати окрестных деревень (дети с пятнадцати лет) должно было работать с четырех часов утра до восьми вечера. Комендатура предупреждала, что «не вышедшие на работу мужчины, женщины и дети будут наказаны двадцатью палочными ударами».

В 1910 году я поехал из тихого Брюгге в тихий Ипр; там был средневековый рынок, украшенный изумительными статуями, один из немногих сохранившихся памятников гражданской готики. Я снова оказался в этом городе в 1916 году; его продолжала обстреливать немецкая артиллерия. Вместо рынка я увидел развалины; только одна каменная дама, случайно уцелевшая, продолжала улыбаться. Жители давно были эвакуированы, а солдаты жили в погребах и в землянках. Перед развалинами рынка я увидел двух английских солдат; они говорили о готике, один что-то записывал в книжечку.

Появилось новое слово «иприт» — так окрестили отравляющие газы, которые немцы применили впервые в битве за Ипр.

В 1921 году я снова увидел развалины Ипра. В землянках жили вернувшиеся жители. Предприимчивые люди построили бараки с вывесками «Гостиница победы», «Кафе союзников», «Ресторан мира». Тысячи туристов приезжали поглядеть на развалины. Инвалиды, безногие, слепые, продавали открытки с видами разгромленного города.

Потом Ипр отстроили, и началась новая война.

Артиллерия два года громила один из древнейших городов Франции — Аррас. На башне ратуши был золотой лев, хранитель свободы. Рухнула башня; солдаты подобрали льва, отослали в Париж. Аррас потом отстроили, а вскоре на город упала первая бомба второй мировой войны. Это похоже на сказку про белого бычка или на миф о Сизифе в аду.

Младший лейтенант Жан-Ришар Блок писал своей жене, что эта война должна быть последней. В письмах он непрестанно спрашивал жену о детях; его младшей дочери, Франсуазе, было тогда три года. В 1945 году немцы казнили Франсуазу в Гамбурге.

В 1916 году, о котором я теперь рассказываю, никто из солдат не мог себе представить, как пережить еще один день, а война всем казалась вечной. На итальянском фронте в окопе сидел молодой Хемингуэй; о том, что было у него на сердце, мы знаем по роману «Прощай, оружие!». Напротив, в австро-венгерском окопе, сидел Матэ Залка. Хемингуэй и генерал Лукач (так звали в Испании Матэ Залку) в 1937 году встретились возле Мадрида на КП 12-й Интернациональной бригады. «Война — это всегда пакость»,— добродушно говорил генерал Лукач и глядел на карту; Хемингуэй его расспрашивал о боях за Паласио Ибарра.

Приехал в отпуск хозяин гостиницы; мы расцеловались. Он рассказал, что солдаты смертельно устали, ненавидят политиков, спекулянтов, не верят газетам. «Но что тут поделаешь,— повторял он,— от нас двести метров до бошей. Конечно, солдатам и у них плохо, но генералы приказывают. Я видел, что они сделали с Перроной...»

Я читал газеты, которые мне приносил Лапинский; там писали, что в войне заинтересованы только капиталисты. Я это знал и без газет: слишком много вокруг было лжи, лицемерия, жестокости. Помню карикатуру в благонамеренном журнале «Л'иллюстрасион» — толстяк в котелке при слове «мир» плачет: «Я поставляю в день четыре тысячи снарядов, вы хотите меня разорить...» Да, в 1916 году это знали все. Но за спиной были не только толстяки в котелках, была еще Франция, ее тихие города со стенами, обвитыми лиловыми глициниями. А немцы в Нуайоне... Никто не знал, что тут можно сделать.

С каждым годом умирают люди, пережившие первую мировую войну; входит в жизнь поколение, не знавшее и второй. Мы кончаем жить, я говорю о моих сверстниках; забыть мы ничего не можем. Одиннадцать последних лет я отдаю почти все мои силы, почти все время одному: борьбе за мир. Я пишу эту книгу между двумя поездками, откладываю недописанную главу. Друзья иногда говорят, что я поступаю глупо, мог бы посидеть, написать еще роман. А романов на свете много... Я вспоминаю 1916 год — наше бессилие, отчаяние. Если бы хоть чем-нибудь, хоть самым малым, помочь отстоять мир!.. Я переворачиваю слова Декарта: можно по-разному думать о цели жизни, о ее осмысленности, но для того, чтобы думать, необходимо существовать. Я гляжу в окно на малыша; у него чересчур серьезное лицо; он в огромных валенках; хотя снег посерел, он сейчас что-то лепит из последнего, апрельского снега. Этому Декарту всего восемь лет, он о чем-то думает. Наверно, он додумает то, над чем мы не успели по-настоящему задуматься. Только не нужно, чтобы его убили.

Роща

Александр РЕШЕТОВ

Соловьиной песнею манила,
Молодой и мертвою листвой.
Думы сокровенные будила,
Как сестра, беседуя со мной.

По годам она — я знаю — старше,
Что ей наши краткие года?
Я умру, а роща будет так же
С каждою весною молода.

Пусть топор березу не ударит,
Тронь ее ладонью и щекой —
И душе мятущейся подарит
Роща величавый свой покой.

С животворным,
С этим свежим светом,
Возвращаясь к людям и делам,
Я листал железо,
Был поэтом,
Другом был друзьям,
Врагом — врагам.

По земле горящей шел солдатом,
Сам, как головня, чернел в тоске,
Мог отведовать, в чужбину вмятым,
От пределов отчих вдалеке.

И в Сахаре мертвые не ропщут.
Но и там я верил бы, живой,
Что тебе, березовая роща,
Ликовать и плакать надо мной.

ИЗ НАДПИСЕЙ НА СТЕНАХ ПАНТЕОНА СОВЕТСКИХ ВОИНОВ В ПРАГЕ

Витезслав НЕЗВАЛ

Ты скажешь: как не дрогнула рука?
Ты спросишь: как мы выстоять сумели?
Запомни: стойким делает стрелка
Не сила рук, а благородство цели!

Перевел с чешского
Игорь ИВАНОВ.

Пахари

Ян ПОНИЧАН

Конец! Я был от счастья пьян!
По степи, вспаханной войною,
В тот ранний час передо мною
Прошел безмолвный караван.

Шли девять воинов в тиши,
По сторонам глядели зорко.
Спустились медленно с пригорка,
Кругом — ни звука, ни души...

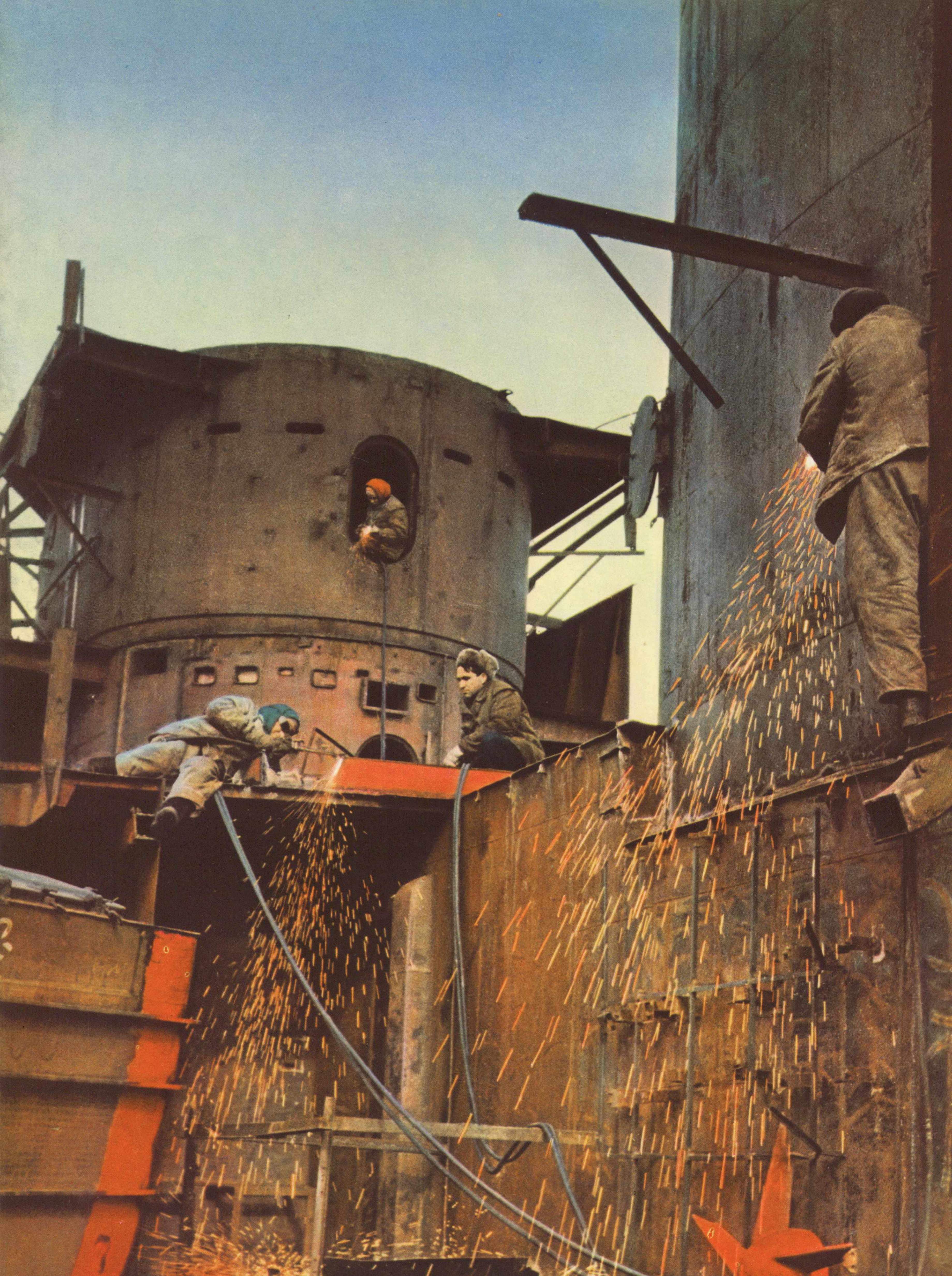
Шли девять воинов, и все
Несли винтовки, пулеметы,
Как будто бы с ночной работы
Брели по утренней росе.

Суров, тяжел солдатский труд,
Сковала мускулы усталость.
Шли мстители, а мне казалось,
Что это пахари идут.

Перевел со словацкого
Игорь ИВАНОВ.

ЗАЦВЕЛИ САДЫ.
Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

КРЕЙСЕРА— НА СЛОМ!

С каждым днем бронированные корпуса строящихся крейсеров обрастали надстройками, насыщались новейшими механизмами, приборами. В орудийных башнях, на палубах, в отсеках появлялись матросы и офицеры будущих экипажей.

И вдруг, когда стальные красавцы были уже готовы к швартовым испытаниям, поступила команда «Отбой!». Было приказано все механизмы демонтировать, крейсеры разрезать, металл отправить на переплавку!

Немалых творческих усилий стоило коллективу завода создание первоклассных военных кораблей. Однако на заводе по поводу приказа никто не грустил.

— Когда наступит всеобщее разоружение,— сказал старший строитель крейсеров Василий Ильич Лаврентьев,— о котором говорил Никита Сергеевич Хрущев в Организации Объединенных Наций, сколько тогда всякой военной техники пойдет в переплавку! И это будет величайшая радость для людей труда.

И вот вчерашние строители осваивают новое, непривычное дело.

С верхней палубы нам хорошо виден весь фронт работ. Автогенщики режут орудийные башни, другие рабочие снимают пушки и с помощью плавучего крана опускают их на дно баржи. Всюду вспыхивают фиолетовые огоньки, веером разлетаются золотистые искры. Постепенно освобождая корабли от надстроек сверху, газорезчики вскрывают палубы.

Перед каждым рабочим поставлена задача: не потерять ни одной детали, ни одного болта, все правильно использовать. Металлолом отправляется на переплавку. Подсчитано, что из металла крейсера можно изготовить 8 тысяч автомобилей «Москвич»!

Есть где использовать и трубопроводы, котлы, компрессоры, питательные насосы. Прослышав, что судостроители демонтируют крейсера, представители промышленных предприятий, лабораторий, вузов зачастили на завод. Некоторые механизмы и приборы с успехом будут применены на судах торгового флота.

Демонтаж крейсеров идет строго по плану, по суточным графикам.

— Вот что теперь будем строить,— говорит В. И. Лаврентьев, показывая на океанское транспортное судно, стоящее на стапеле.— Много таких судов сдадим торговому флоту.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото А. НОВИКОВА.

«Мы снова делаем оружие» — так назвал свой репортаж о военной промышленности Западной Германии журнал «Мюнхенер иллюстрирте». Этот снимок был сделан на заводе в Нюрнберге. Рабочие, которые делают это оружие, не захотели показывать своих лиц,— сообщил журнал в подписи под фотографией. Очевидно, слишком грязное это дело — ковать оружие для милитаристов.

Западная Германия все меньше нуждается в иностранном оружии. Посмотрите на эту карту, взятую из журнала «Мюнхенер иллюстрирте». На ней изображены главные центры военной промышленности ФРГ и показано, что в них производится.

— У нас нет ни минуты свободного времени,— заявил корреспонденту газеты «Нейе Рейн-Цейтунг» один из руководителей танкового училища в западногерманском городе Мунстере.

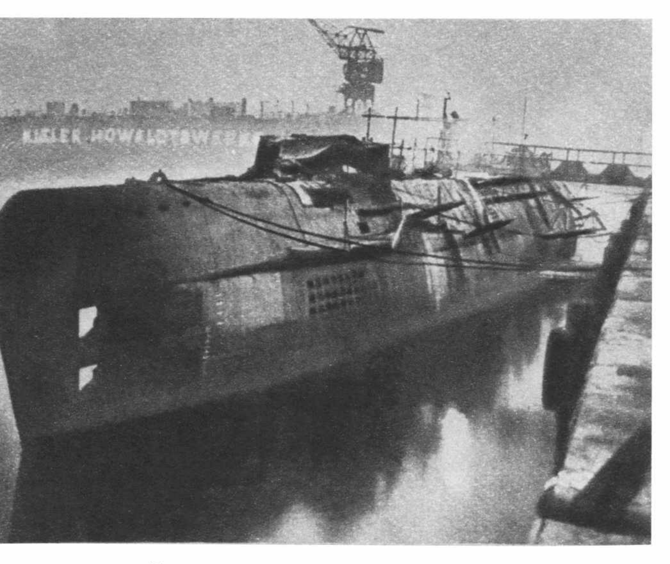
Двадцать пять лет назад в этом же городе гитлеровцы начали создавать свои танковые войска, которые позже, зловеще грохоча, поползли на землю Польши, Бельгии, Франции, на землю нашей Родины. Сегодня в Мунстере снова лязгают гусеницы танков; каждый год училище выпускает пять с половиной тысяч танкистов для бундесвера.

У западногерманских милитаристов действи-

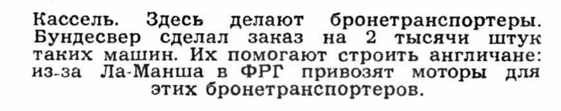
АРСЕНАЛ ВОЙНЫ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Американские ракеты вложены в руки германских милитаристов. «Пройдет немного времени,— писал недавно американский журнал «Ньюсуик»,— и они получат управляемый снаряд «Мейс». 900-мильный радиус действия которого позволит нанести нокаут Варшаве, Смоленску или Ленинграду».

Гитлеровская подводная лодка, восстановленная на Кильских верфях. Теперь она снова готова к пиратским операциям.

Кассель. Здесь делают бронетранспортеры. Бундесвер сделал заказ на 2 тысячи штук таких машин. Их помогают строить англичане: из-за Ла-Манша в ФРГ привозят моторы для этих бронетранспортеров.

Изображение этого креста на крыльях самолетов во время второй мировой войны видели миллионы людей. Он нес смерть и разрушение. На крыльях самолетов нового «Люфтваффе» рисуют тот же самый крест. На снимке: строительство самолета американской конструкции для ВВС Западной Германии в Мюнхене.

Komm zum Heer

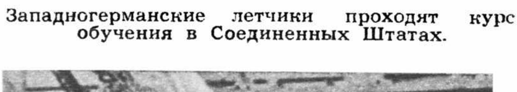
DIE BUNDESWEHR

stellt Bewerber für die Laufbahnen der Unteroffiziere und Mannschaften im Alter von 17-28 Jahren ein. Auskunft und Beratung beim zuständigen Kreiswehrersatzamt. Wer sich über die vielseitige Ausbildung und die verschiedenen Laufbahnen, über die Besoldung und Berufsförderung unterrichten will, fordere mit diesem Coupon Merkblätter und den neuen, farbigen Bildprospekt des Heeres an.

Это реклама войны. Она была напечатана в милитаристской газетке «Штальхельм». Реклама гласит:

«Иди в армию.

Бундесвер принимает кандидатов на должности унтер-офицеров и рядовых в возрасте от 17 до 28 лет. Справки и консультации можно получить в соответствующих окружных призывных пунктах. Кто хочет осведомиться о разностороннем образовании и различных профессиях, о жалованье и продвижениях по службе, требуйте, предъявив этот купон, памятки и новый красочный иллюстрированный проспект об армии».

Западногерманские летчики проходят курс обучения в Соединенных Штатах.

тельно нет свободного времени. Они заняты. Они вооружаются.

Милитаристы хотели бы скрыть свою деятельность от посторонних глаз. Западногерманский журнал «Мюнхенер иллюстрирте» свидетельствует: «О промышленности, производящей вооружение, сегодня... не дозволено говорить». Сам глава боннского рейха Конрад Аденауэр иной раз даже пускается в рассуждения о разоружении. В одном из писем к Н. С. Хрущеву он писал: «...мы убеждены, что необходимо оградить человечество от новой войны, и что поэтому в нынешней международной обстановке вопрос разоружения имеет первостепенное значение».

Не верьте клятвам Аденауэра в миролюбии! Деятельность его правительства говорит совсем о другом.

Сегодня Западная Германия снова, как во времена Гитлера, становится арсеналом войны.

Западногерманские дивизии растут и оснащаются современным мощным оружием уничтожения. На территории этой страны размещено более 300 видов оружия, которое может нести атомные заряды. Снова пущена в ход военная промышленность. Фирмы «Хейнкель» и «Мессершмитт» опять производят военные самолеты. В Гамбурге, как прежде, делают военные суда. Западногерманские ученые работают над проблемами ракетного оружия.

Рост военной мощи Бонна начинает вселять тревогу на Западе.

Недавно американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Неожиданно перед союзниками США встал факт: немецкая армия имеет больше боевых дивизий, чем какая-либо другая держава в Западной Европе...»

Разговоры о «неожиданности» — это обман. Именно западные державы на протяжении послевоенного периода намеренно и последовательно проводили политику возрождения черной угрозы германского милитаризма. С их помощью восстановлена военная промышленность Западной Германии. Они привели к власти в этой стране духовных наследников фашизма. Да и разве мало на вооружении западногерманских дивизий американского, английского и французского оружия?

А теперь на Западе уже пугаются создания собственных рук. Западногерманские дивизии, с тревогой пишет английская «Дейли мейл», «оснащаются атомными снарядами, способными нанести удар не только, скажем, по Варшаве, но и по Вестминстеру».

Но пока западногерманские милитаристы хотят «мирно» завоевать «жизненное пространство» на Западе. Они требуют для себя военных баз в Англии, в Испании, в Бельгии, во Франции. Военный министр Бонна Штраус заявляет, что во Франции западногерманские летчики намерены учиться «поражать цели».

В прошлом фашисты наносили удары по Вестминстеру и «поражали цели» во Франции. Пятнадцать лет назад, когда кончилась вторая мировая война, самые светлые надежды народов были связаны с уверенностью в том, что в могилу германского милитаризма крепко забит осиновый кол и ни Парижу, ни Лондону, ни Варшаве — никому не будет угрожать паучья свастика и хищный орел — символ милитаристской Германии.

Мир не простит тем, кто, пренебрегая уроками истории, пытается вновь восстановить в центре Европы арсенал войны.

А. СЕРБИН

ДОРОГОЙ

ПЕТР ЛУКЬЯНОВИЧ!

ПАРТИЙНЫЙ КОМИТЕТ

поздравляет Вас с днем Вашего пятидесятилетия и желает Вам больших производственных успехов и счастья в личной жизни.

Надеемся, что Вы как и всегда будете отдавать все свои силы и знания на обеспечение выполнения стоящих задач перед мартеновским цехом № 1.

Секретарь парткома КОТОВ.

В доме бывает шумно, когда к дочерям приходят сверстники-друзья. Но ведь рядом с молодостью все молодеет...

...И счастья в личной жизни...

А. УЗЛЯН, О. ШМЕЛЕВ

В толпе людей, окончивших смену, шагает улыбающийся человек. Он, пожалуй, ничем не выделяется среди идущих рядом рабочих сталинградского завода «Красный Октябрь»: среднего роста, крепко сбит. Если остановить Петра Лукьяновича Маркова и спросить: «Отчего вы в таком хорошем расположении духа?»,— ответом, наверное, будет: «А почему ж не улыбаться, когда на работе порядок!»

Однако это лишь половина объяснения. Вторую половину ответа надо искать дома...

Недавно партком поздравил члена партии с 1939 года механика мартеновского цеха Петра Маркова с пятидесятилетием. Получил он подарки от друзей и от целых коллективов, а в приветственном адресе парткома, напечатанном в типографии золотыми буквами на меловой бумаге, среди других пожеланий было такое: «...и счастья в личной жизни». Раскрыв содержание этой строчки, до конца поймешь причины хорошего настроения Маркова.

Тридцать пять лет трудится Петр Лукьянович на заводе. Много было и радостей и горестей. Он хорошо помнит тот день 1942 года, когда при очередном налете фа-

В четыре руки.

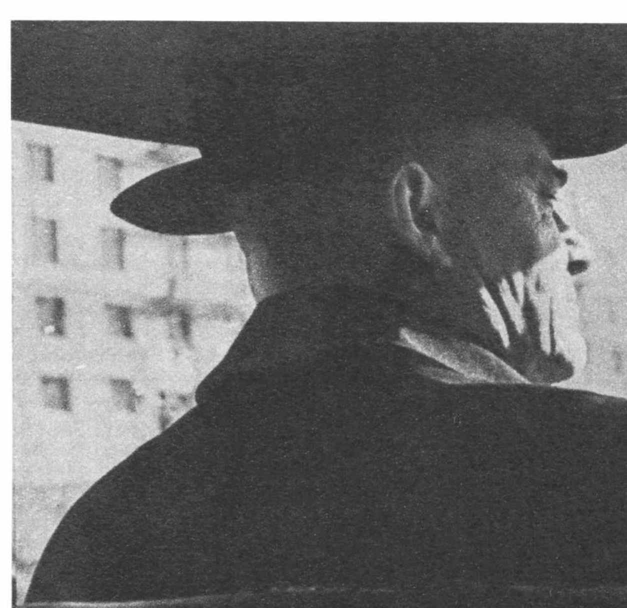
У Гаврилы Федоровича утро начинается с бритья.

Когда собираются в гости...

При разработке маршрута путешествия большую роль играют личные вкусы, и потому Галина, Петр Лукьянович и Тамара будут еще долго спорить.

Мама все поймет с полуслова...

шистских бомбардировщиков на «Красный Октябрь» был убит возле цеха осколком бомбы отец — старый металлург. Он помнит тот день, когда своими руками готовил к взрыву родной завод и под ураганным огнем уходил на лодке за Волгу, чтобы потом, вернувшись в растерзанный Сталинград, опять зажечь потухшие печи «Красного Октября»...

Петр Лукьянович не любит об этом рассказывать близким, но он ничего не забыл. И, может, именно поэтому умеет радоваться всему, что в адресе парткома названо «счастьем в личной жизни». Они у него неразрывно связаны, семья и завод. Семья небольшая — жена Елизавета Гавриловна, дочери Галина и Тамара. И еще есть родители жены, — между прочим, старик Гаврила Федорович больше тридцати лет работал на «Красном Октябре», пока не вышел на пенсию.

Марковы живут в поселке металлургов, в большом пятикомнатном доме, который дал Петру Лукьяновичу завод. И в доме есть все, что необходимо для хозяйства и удобства.

Интересной жизнь семьи делают книги, театр, кино. А когда Петру Лукьяновичу хочется послушать «натуральную» музыку, он просит дочерей поиграть в четыре руки на пианино.

Кто захотел бы написать картину жизни Марковых, основываясь на испытанном принципе светотени, тот потерпел бы неудачу, так как тени здесь не бывает. Живут дружно. И даже «педагогических трагедий» не случается: студентка четвертого курса Сталинградского института инженеров городского хозяйства Галина и девятиклассница Тамара — обе успевают блестяще.

Близится лето. Сейчас у Марковых две заботы: во-первых, Галина и Тамара должны как следует научиться водить машину; во-вторых, надо детально разработать маршрут путешествия на своей недавно купленной «Волге», которое собираются предпринять всей семьей, когда отцу дадут отпуск.

...Петр Лукьянович задумчиво читает пожелания парткома и подчеркивает ногтем строчку: «...и счастья в личной жизни».

— Вроде бы лишние слова, — говорит он шутливо. — Ведь обычно желают человеку того, чего у него вовсе нет или маловато, а у нас есть все. — И, помолчав, добавляет: — Но я так понимаю: это в том смысле, чтобы ничем не нарушалась наша жизнь...

Петр Лукьянович помнит улицы Сталинграда другими: они когда-то лежали в развалинах.

СЛУЧАЙ В

Петер КАРВАШ

Рассказ

Рисунок В. Высоцкого.

Это был образцовый вечер в семейном кругу.

Мать сосредоточенно слушала радиопостановку, уродуя при этом купальный костюм, который она перешивала, перелистывала «Чехословацкий журналист», переворачивала гренки на электрическом тостере и время от времени напоминала мне, что послезавтра ее рождение, терпеливо и убедительно повторяя по телефону: «Ну что вы, милая, это пустяки!» Маленький, невероятно гордясь тем, что еще не спит, восседал в кроватке с совершенно новым автомобилем в руках, разобранным на молекулы, и, видимо, ломал голову над тем, как его расщепить на атомы. Я пристально рассматривал корректуру и пытался научно объяснить, почему, черт побери, «Красная звезда» проиграла «Славянам». Был тихий, теплый вечер, уже не летний, но еще не осенний, и если бы под нашим окном росли раскидистые яблони, которых, конечно, нет, они были бы отягощены зрелыми, напоенными солнцем плодами. Царил мир, граничащий с идиллией, и уют, граничащий со скукой. Было замечательно.

Он тихо сидел, склонившись над школьным заданием; чубчик миролюбиво упал на лоб, уши горели от усердия, веснушчатый нос был почти прижат к самописке «Пионер». Он с большим упорством готовил урок по русскому языку. Время от времени я бросал на него строгий взгляд, но мысленно один за другим прощал все его проступки и провинности за последнее время. Как смирно и кротко сидит он и готовит урок, хоть фотографируй для хрестоматии! Как старается, с каким напряжением силится писать каллиграфически! Разве это не воплощенная дисциплина и прилежание? Я мысленно отрекаюсь от термина «хулиган», ставшего уже привычным дома и во всем квартале, и заменяю его термином «озорник», в котором можно незаметно сочетать критику и нежность. Выводы педагогического обследования о его неспокойном и упрямом характере я презрительно отвергаю. Боже мой, это живой ребенок, инициативный и изобретательный! Чего они хотят? Превратить его в мокрую курицу, увальня, пришибленного образцово-показательного мальчика? В пастельных тонах этого полного гармонии вечера я отношусь скептически даже к последнему замечанию в его школьном дневнике, что он систематически нарушает порядок в классе. Ну что это! Ведь такой ребенок вообще еще не понимает, что значит «систематически».

Это был образцовый вечер и к тому еще, как вам сейчас станет ясно, достопримечательный. Я уютно сидел в халате, и сердце мое как бы утопало в нем. В это время кто-то позвонил.

Вошла симпатичная пожилая женщина в скромном темно-коричневом платье. Она показалась мне знакомой, как часто бывает с людьми, которых вы никогда в жизни не видели, особенно если они приходят в столь чудесный вечер с таким видом, будто вы их с нетерпением ожидали. Мы усадили гостью и ждали, что будет дальше.

Тут я случайно взглянул на сына. Он уже не склонялся прилежно над тетрадью, не выпячивал губы, не шептал потихоньку текст, выделяя шипящие. Он стоял вытянувшись; так стоят перед офицером, находясь в строю с полной выкладкой, или перед главным редактором, когда кладут ему на стол фельетоны, или перед учителем, когда учатся в пятом «А».

— Мы еще незнакомы,— приветливо начала гостья,— хотя и следовало бы. Я учительница вашего сына. Он не говорил вам, что я сегодня приду?

Мы обменялись быстрыми взглядами. Они скрестились, как рапиры на дуэли. На электрическом тостере начал дымиться гренок, на радиостанции перешли от пьесы к хирургическому устранению недостаточности сердечного клапана, а разочарованный тоненький женский голос твердил в телефонную трубку: «Алло! Ты слушаешь? Алло!»

— Нет,— сдержанно ответил я,— он не говорил, что вы придете.

Утверждение, что вечер был тихим, перестало соответствовать действительности. Он не был ни гармоничным, ни образцовым. Атмосферное давление упорно снижалось.

— Произошло что-нибудь серьезное? — спросил я.

Учительница улыбнулась.

— Серьезное? — повторила она вслед за мной. У меня мороз пробежал по коже.— И вы еще спрашиваете?

Сын стоял у стола и смотрел на нас большими темными глазами, ожидая дальнейших событий и готовый достойно встретить их.

— Послушай,— обратился я к жене и вдруг подумал: «Хулиган, ах, какой хулиган!» — Послушай, выключи радио и тостер, положи телефонную трубку и иди сюда. Речь идет о твоем сыне.

Состав преступления был потрясающим по своей классической простоте. В садике перед школой есть окруженная скамеечками целая система фонтанов посреди живописной детской площадки — гордость района. Кто-то открыл краны и повернул трубки фонтанов так, что вода должна была не декоративно литься в бассейн, а низвергнуться в садик. Когда в установленное время пустили сильный поток воды, он на расстоянии пятнадцати метров по радиусу обильно оросил все скамьи, детей и гулявших с ними мамаш, пенсионеров и вообще всю общественность. Началась паника. Поскольку в критический момент, то есть незадолго до происшествия, там видели присутствующего здесь ученика пятого «А», слонявшегося без уважительных причин вокруг фонтана, возникло совершенно обоснованное подозрение, что...

— Ты это сделал? — строго спросил я, но был убежден, что он этого не делал. Да как бы он смог?

— Да! — не задумываясь, ответил он.

— Вот видите! — воскликнула гостья.

— Гм...— скупо откликнулся я.

Учительница показала нам письмо, в котором коммунальное управление в весьма запутанных фразах обращалось к школе и требовало примерного наказания виновного. Письмо было написано на официальном бланке. Штамп коммунального управления оказывает всегда губительное влияние на мою нервную систему.

— Он не мог это сделать сам,— продолжала симпатичная учительница.— Там целая система из тридцати шести маленьких фонтанчиков. У него должны были быть помощники, но он не хочет их выдать.

— Я сделал это сам.

— Но зачем? — спросил я.— Скажи, зачем?

— Подумай, скольким людям ты испортил платье! — сказала мать, чувствуя потребность принять участие в разговоре.

— Зачем? — спросил я снова.

Я люблю знать причины событий. Но в этот момент невольно подумал: живой ребенок, инициативный и изобретательный. Штамп коммунального управления невыносимо раздражал меня.

— Педагогический совет рассмотрел этот поступок и поручил мне...

Я представил себе зеленый садик, в кото-

ром граждане прогуливаются, отдыхают на скамейках, греются на солнышке, и вдруг... псс...

— Чему ты улыбаешься? — спросила жена.

Я откашлялся и с горечью возразил:

— Вопрос слишком серьезный, чтобы смеяться.

Учительница подтвердила это. У нее были очень умные глаза.

— Конечно. Повреждение общественного имущества, нарушение порядка, грубое нарушение дисциплины... Простите,— вдруг изменила она тон,— а вы вообще интересуетесь его дневником? Просматривали его тетради? Почему вы не были на родительском собрании?

«У парнишки живое воображение,— сочувственно продумал я.— Тридцать шесть фонтанов — да это целая техническая проблема! Молодец!»

— Что вы говорите? — вежливо переспросила учительница.

— Я примерно накажу сына,— ответил я в стиле послания коммунального управления.— Мне ясен весь объем его вины, и я сумею выполнить свой долг.

После короткой дискуссии о гренках, купальных костюмах, свитерах, Международном женском дне и освобождении от домашнего рабства гостья вежливо попрощалась и ушла. Присутствовавший при этом ученик пятого «А» произнес довольно четко «Честь труду» и вернулся к своей тетради, но не принялся писать, а только сгорбился и, не шевелясь, выжидал.

Жена проводила учительницу, вернулась в комнату и посмотрела на меня долгим, вопрошающим взглядом. Не люблю долгие, вопрошающие взгляды: за ними должны следовать действия.

— Встань,— тихо, но непреклонно сказал я,— и надень куртку.— А сам взял пиджак.

МИЛИЦИИ

— Куда вы? — изумленно спросила мать.

— Вставай и идем,— повторил я.

Он послушался, ни слова не говоря.

— Куда вы? — растерянно повторила она.

— В милицию.

— В милицию? — Она несколько раз быстро моргнула: по-видимому, хотела что-то сказать.

— В чем суть? — резко перебил я.— В повреждении общественного имущества. Намеренном и злостном. Да или нет?

— Да,— немного подумав, ответил он.

— Так вот, пойдем.

Жена смотрела на нас расширенными глазами.

— Куда ты? — заинтересовался маленький, выбрасывая из кроватки колесо и руль автомобиля.

— В милицию,— ответил большой.

— Я тоже хочу!

— Ты еще слишком мал,— ответил большой.

— Тогда принеси мне леденец на палочке,— попросил маленький.

— Хорошо, принесу.

— Но...— начала мать.

— Это преступление? — с металлом в голосе спросил я.— Да. Педагогика имеет свои границы. Он должен понимать, что он гражданин народно-демократического государства! И вообще, последнее время невозможно выносить его проделки...

Я сделал за спиной сына неопределенный жест, который приблизительно означал: не беспокойся, но он должен помнить, что и педагогика имеет определенные границы.

— Но...— снова начала мать.

Мы вышли.

Некоторое время мы шли молча. Я шагал быстро, и сын вынужден был семенить, догоняя меня. Деревья в садах были действительно отягощены спелыми плодами, напоенными солнцем. Вечер был скорее теплый; в воздухе царили спокойствие и гармония, но идиллии не было.

— Ты действительно это сам сделал? — спросил я через некоторое время, глядя на бледную луну.

— Конечно,— с оттенком превосходства ответил он.

Я успокоился — у мальчишки есть чувство юмора — и мягко спросил:

— А зачем... зачем ты это сделал?

— Не знаю... так...

— Может, на пари?

Он отрицательно покачал головой. «У него есть воображение! — подумал я.— Фонтан навыворот! Все ясно: ему приходится ходить в школу, там его мучат деепричастиями, историей и дробями, а люди в садике зря тратят время и народный доход. Это ясно с точки зрения логики и подсознания. Просто вдохновенно!»

— Я думаю,— вдруг тихо произнес он,— что к ним это не относится.

— Что? К кому?

— К ним, к милиции.

— Как же? — отрезал я.— Кто должен охранять общественное имущество? Милиция.

— Да,— медленно произнес он через несколько шагов,— но я еще несовершеннолетний.

Я чуточку растерялся и воскликнул:

— Об этом поговорим в милиции! — Он был, бесспорно, прав.— Есть исправительные заведения,— нашелся я, обретая в последний момент твердую почву под ногами. Но чувствовал, что зашел слишком далеко. Сын ничего не ответил.

Мы шли по окаймленной благоухающими садами улице, круто спускавшейся к центру города. Над крышами домов и домиков Братиславы распростерлась легкая дымка, в квартирах загорались желтые огни, отдаленные улицы тихо шумели и жужжали.

— Ну что ж! — вздохнул сын.

Тут я испугался. Выяснилось, что мероприятие недостаточно продумано. Я ожидал, что он будет всю дорогу клянчить, чтобы мы вернулись, и уже подле самой милиции я сдамся на его просьбы. Конечно, с бесчисленными условиями, обещаниями и обязательствами. Но, видимо, я не учел, что милиция находится близко и у меня даже не хватит времени все как следует обдумать. Лишь теперь я с ужасом осознал все, что затеял. Ведь на карту поставлены не только незыблемость родительского авторитета, но и существование педагогической науки!

Я представил себе в самых ярких красках всю рискованность моего шага. В милиции безжалостно высмеют меня в присутствии сына! И на обратном пути он будет с полным основанием потихоньку посмеиваться надо мной. Его непростительная выходка будет, в сущности, великолепно реабилитирована! Наши отношения будут в корне подорваны! А что мне придется потом выслушать от матери! Да и не только от нее! Слух об этом распространится по редакциям, среди всех работников культуры! Собственного сына хотел засадить в кутузку! Ох, уж эти интеллигенты! Не выпил ли он перед этим лишнего в клубе писателей? Меня прошиб пот.

Пять крон дал бы я ему за малейшее проявление бесхарактерности и слабости. «Споткнуться,— подумал я,— и вывихнуть лодыжку. Или обратить все в шутку. Ха-ха! Уж не воображаешь ли ты, что я в самом деле собирался...»

Нет. Отступление невозможно. Тогда все рухнет. И послезавтра он демонтирует аэродром.

Тут я заметил, что сын не шагает рядом со мной. Он стоял на углу, под табличкой «Милиция». Я вернулся, заглянул в дверь и возмущенно проворчал:

— Рабочий день закончился!

— Да нет же! — тихонько сказал он.— Они там, дальше. Здесь транспортная инспекция.

— Ну как,— бодрым, но несколько дрожащим тенором вдруг воскликнул я,— понял ты теперь, что педагогика имеет свои границы?

— Что вам угодно? — спросил молодой человек, которому мы преградили дорогу. Он был в форме и белых перчатках: очевидно, шел сменить коллегу на перекрестке.

— Да,— быстро ответил я,— да, конечно! Мне нужно... сделать заявление.

— В конце коридора, направо,— сказал милиционер и отдал честь.

Мы переступили Рубикон, бывший не у́же Волги.

Шагая по темному коридору, я вдруг почувствовал в своей руке маленькую теплую руку. Я сжал ее и искоса посмотрел на сына. Мне виден был только его профиль, серьезный и полный решимости. Я понял, что он боится, но готов отвечать за свой поступок.

— Честь труду,— едва слышно прошептал он в дверях. Но потом приободрился и громко повторил: — Честь труду!

За письменным столом сидел дежурный старшина. Светлые волосы его были подстрижены ежиком. Бог весть почему я подумал, что дело плохо: люди с такой стрижкой — сухари и бюрократы. Мало того, он надел очки.

— Тут такой случай,— откашлявшись, но все-таки с хрипотцой начал я.

— Ваше удостоверение личности,— потребовал старшина. Он встал, подошел к невообразимо старой пишущей машинке и вставил в нее бланк. Потом спросил: — Кража?

— Нет,— поспешно ответил я.— Так сказать... повреждение общественного имущества.

— Что значит «так сказать»? — строго переспросил старшина.— Было оно повреждено или не было?

— Было,— выразительно кивнул я.

Сын стоял у двери, заложив руки за спину. Он вдруг стал очень тщедушным, нижнюю губу закусил, ноздри у него вздрагивали. Смотрел он куда-то мимо старшины и тяжело дышал.

— Преступник? — спросил старшина.

— Нет! — невольно воскликнул я.

— Что?! — Старшина встал, чтобы ему не мешал резкий свет настольной лампы, и удивленно посмотрел на меня.

У меня сжалось горло. «Преступник» — слишком сильное слово! Нет, он не преступник! Они не так выглядят! У них лицо до половины закрыто черным платком, а в руках длинный нож! Конечно, он напроказил, но не совершил преступления. Нет, нет!

— Преступник известен? — терпеливо спросил старшина.

Минуту царила тягостная тишина.

— Известен,— тихо произнес сын.

Снова мой взгляд встретился с недоуменным взглядом работника милиции; сейчас он уже смотрел на меня подозрительно.

«Плохо дело,— подумал я снова.— Этот человек не способен понять, где границы педагогики! Сейчас он выставит меня из отделения и к тому же составит протокол о злоупотреблении временем работников общественного учреждения — ведь бумага у него уже вставлена в машинку! — и пошлет его в высшие инстанции».

В это время раздался тихий, но твердый голосок:

— Преступник я.

Было слышно тиканье часов. Старшина снял очки и мрачно посмотрел на нас обоих. «Дело плохо,— в третий раз подумал я.— Все летит к черту: педагогика, авторитет, психология и гражданская безупречность,— впереди волокита и неприятности».

— Гм, а что ты совершил? — спросил старшина и двумя пальцами потянул себя за нос.

— Дело в том, что он...— начал я.

— Я не вас спрашиваю,— мягко, но кратко заметил старшина, пристально взглянув на меня своими голубыми глазами.— Иди сюда.

Сын подошел. Глубоко заглянул старшине в

10 000 КИЛОМЕТРОВ ПЕШКОМ

На Исаакиевской площади в Ленинграде, недалеко от гостиницы «Астория», я встретил высокого худощавого человека в легком плаще и суконной кепке. Он шел широким юношеским шагом, щурясь от солнца. Пешеход напомнил мне Алексея Андреевича Поликарпова, который накануне выступал перед ленинградцами по телевизору.

— Простите, вы товарищ Поликарпов из Омска?

— Точно, он самый.

Мы присели на скамейку в сквере, и Алексей Андреевич рассказал об интереснейшем пешем походе.

Осенью прошлого года, шестнадцатого сентября, он вышел из Омска. Побывав в Петропавловске, Кургане, Челябинске, встретил Октябрьский праздник на Урале. Отсюда он направился на родину Владимира Ильича Ленина.

В Ульяновске неутомимый пешеход предстал перед медицинской комиссией. Так уж было обусловлено: через каждые две тысячи километров пути показываться врачам. Осмотр показал, что за время долгого пути здоровье пешехода еще более окрепло.

И снова с рюкзаком за плечами зашагал Поликарпов дальше. Куйбышев, Пенза, Рязань. Здесь на почтамте ему вручили посылку — из Омска прислали новые ботинки. Из Рязани через Москву, Калинин, Новгород Алексей Андреевич пришел в Ленинград и очередную пару обуви приобрел уже на фабрике «Скороход». В городе Ленина бывший сотрудник Омского облздравотдела, пенсионер Поликарпов отметил день своего рождения. Ему исполнился шестьдесят один год!

Много интересного повидал Алексей Андреевич, много записей сделал в своем дневнике. В Вышнем Волочке он беседовал с Героем Социалистического Труда Валентиной Гагановой. В Валдае — с Героем Советского Союза, защитником Сталинграда Яковом Федотовичем Павловым, который работает сейчас секретарем райкома партии.

...Алексей Андреевич встал со скамейки, взглянул на часы.

— Тороплюсь в театр. Дальше мой путь лежит в Таллин, в Ригу.

Далее из Литвы через Минск Поликарпов пойдет на Украину, в Ростов-на-Дону, станицу Вешенскую и оттуда обратно в родной Омск. Весь пеший переход протяженностью в десять тысяч километров сибиряк собирается завершить осенью этого года.

— Хочу доказать, — прощаясь, говорил Алексей Андреевич, — что пенсионная книжка не аттестат на старость.

П. ЧЕРЕНКОВ
Фото Б. Лосина.

глаза. Потом стал нерешительно рассказывать, что произошло.

В полумраке маленькой комнаты между четырьмя выбеленными стенами в тишине теплого осеннего вечера вдруг расцвел красочный, залитый солнцем садик с хитроумным фонтаном, зашумели царственные кроны деревьев, всеми красками сверкали одежда детишек и костюмы матерей, люди беспечно гуляли. Но в бетонном бассейне таилась нежданная опасность: тридцать шесть медных кранов, увлекательная и притягивающая система трубок, похожих на маленькие, изящные и соблазнительные жерла орудий,— высокая техника! Немного смекалки, немного решимости, немного ловкости — и фонтан превратится в душ. Под большим давлением с гулом помчится вода, жерла грянут искрящимся, хрустальным залпом... и садик наполнится криком и паникой! Ну и зрелище это было! Красота!

— Гм...— мычит старшина и проводит рукой по лицу.

Сначала мне показалось, что он таким образом прячет улыбку. Но потом я понял, что он серьезно и официально размышляет. Несомненно, он подбирал параграф, соответствующий данному случаю. Соответствующие параграфы всегда ужасны.

— Ведь он еще ребенок! — испуганно воскликнул я.

— Пожалуйста, не оправдывайте его,— деловито произнес старшина, обернувшись ко мне. Он задумчиво прошелся по комнате.— Был нанесен материальный ущерб?

— Бесспорно, нет. Но если даже... то я готов...

— Я не вас спрашиваю,— ледяным тоном перебил старшина.— И вообще не мешайте официальному следствию. Я допрашиваю обвиняемого. Был нанесен материальный ущерб?

— Кто знает,— прошептал он.— Краны можно закрыть. Но...

— Но?..

— Платья...— с сожалением пожал он плечами.— Платья и... завивка!

— Факт,— подтвердил старшина и взъерошил волосы. Он прошелся твердым шагом по маленькой комнатке и вернулся к письменному столу. Сел и несколько секунд сосредоточенно барабанил пальцами.

— А как твои дела в школе? — вдруг внимательно посмотрел он на мальчика.

— Учится он хорошо,— немедленно откликнулся я.

Старшина всем корпусом обернулся ко мне, запыхтел и проворчал:

— Еще одно слово — и я прикажу вас вывести. Ясно?

— Да,— вздохнул я.

— Что хорошенького у тебя в дневнике? — обратился он к мальчику.

Тот сразу охрип и прошептал:

— Тройка по математике и замечание, что все время нарушаю порядок.

Я был потрясен. Тройка? И я об этом не имею понятия! Старшина посмотрел на меня, с шумом втянул воздух, но ничего не сказал.

— И один раз я не выучил стихотворение. Но оно было какое-то странное, в нем не было никаких рифм. И никто не понял, о чем оно вообще.

— Ай-ай-ай! Чем дальше, тем лучше,— сказал старшина и снова задумался.— Так что же с тобой делать? — задал он риторический вопрос, но тут же бросил на меня суровый взгляд, чтобы предостеречь от каких бы то ни было предложений. Положил свой тяжелый кулак на стол.— Так что же с тобой делать?

Потом принял решение. Нахмурился и спросил:

— Ты пионер?

— Да,— с надеждой в голосе произнес мальчик.

— Ладно. Через месяц придешь и доложишь мне, что по математике у тебя пятерка. И что ты ведешь себя отлично. Ясно?

— Ясно.

— Дальше. В воскресенье я дежурю. Явишься сюда в четырнадцать ноль-ноль и ответишь мне это стихотворение. Ясно?

— Ясно.

— А тройки вообще отменяются. Немедленно и окончательно. Честное пионерское?

Мальчик колебался. Вздохнул. И наконец произнес:

— Честное пионерское.

— Разойтись! — скомандовал старшина.

Он встал и проводил нас к двери. Потом взял меня за плечо и на секундочку задержал. «Вот,— подумал я,— сейчас начнется. Лекция об обязанностях гражданина, резкая, прямая критика, общественное порицание». Он наклонился ко мне и тихо прошептал:

— Представляете себе зрелище... когда там брызги летели во все стороны?.. Озорство это стопроцентное, но как идея — высокий класс, а?

Еще в коридоре я слышал его громкий, неофициальный хохот.

Мы шли братиславской теплой осенней ночью, высоко над нами были звезды и спутники, внизу — дворы и крыши, позвякивание трамваев и отдаленный звук пароходной сирены на Дунае, впереди замок Славин, а в нас живое чувство, вдруг придавшее маленькой теме огромные размеры.

— Этот милиционер был замечательный, правда? — сказал сын через некоторое время.

— Когда ты получил тройку?

— Вчера.

— Почему же ты мне ничего не сказал?

— А когда? Разве ты меня спрашивал? Ведь тебя никогда дома нет.

Сады шумели и благоухали, а из окон доносилась передаваемая по братиславскому радио и прерываемая помехами викторина.

Перепуганная мать ждала нас у калитки.

— Как все прошло? — спросила она шепотом.

— И педагогика,— строго принципиально заявил я,— имеет свои границы.

Должен сознаться, что совершенно не знал, что хотел этим сказать.

В тот вечер мы почти не разговаривали. Маленький уткнулся носом в обломки автомобильчика и смотрел сны; большой упорно писал урок по русскому языку, а когда решил, что все мы уснули, вытащил хрестоматию и стал зубрить стихотворение.

— По-моему,— уверял я мать,— ты балуешь его. С ним надо быть построже. Ты слышала, что говорила учительница?

— Нельзя его запугивать,— шептала она.— Милиция! Фу! Словно он какой-нибудь преступник. Да это настоящий шок! Душа ребенка...

Остального я не расслышал: я вдруг представил себе: псс... Нет, это замечательная идея! Мое детство без фонтана навыворот показалось мне пустым и тоскливым.

Со старшиной мы иногда встречаемся: я снимаю шляпу, он отдает честь. Однажды он подошел ко мне и сказал:

— Послушайте, в том стихотворении и вправду нет ни рифмы, ни смысла. Сам черт не разберет, о чем оно!

Я обещал выяснить, в чем дело. Но ведь у меня так мало времени!

Перевела со словацкого
Р. РАЗУМОВА.

На наших вкладках

Люди в гимнастерках вновь и вновь шагают по полотнам выставок. Вновь и вновь воскрешают художники бессмертный героизм, беспредельное терпение, великую душу простого человека, с боями прошедшего от Волги до Эльбы.

Суровый сорок первый.

Серая пыль под ногами, выжженная солнцем военная одежда, почерневшие лица, сероватая мгла надвигающихся сумерек и... тишина. Только стукнула кружка о ведро: истомились от жажды солдаты... Скорбные складки легли на лицо старой крестьянки. Она молчит. И солдаты молчат, бросая последний взгляд на побуревший от дождей тын и соломенную крышу, на русскую женщину в белом платочке, с усталыми, печальными глазами матери, которая смотрит на нас с картины Ю. Кугача «Летом 1941 года».

Май сорок пятого изображен на картине «Освобождение Праги» Е. Казанова и А. Орловского. Ослепительное весеннее солнце над золотым городом, грохот советских танков по древней мостовой, цветы и улыбки... Улыбки ребятишек, зачарованных необыкновенным зрелищем, улыбки взрослых, исстрадавшихся от войны и немецкой оккупации, и какие-то удивительно светлые и в то же время словно неумелые улыбки наших солдат, которые за долгие годы войны разучились смеяться. Украшены цветами орудия. Пришли долгожданные Освобождение, Победа, Мир... Спокойно, опираясь на пушечный ствол, смотрит куда-то далеко солдат. Что он видит там, впереди? Верно, далекую околицу села, родные березки и старую женщину в платочке, которая смотрит на дорогу, ожидая возвращения сыновей...

В каком году происходят события третьей картины — «Шефы в колхозе» А. Куланова? Может быть, в шестидесятом... Война позади, и пусть не мерещится вдали ее кровавый призрак!

С каким удовольствием трудятся солдаты! Голубое небо, желтые, остро пахнущие щепки и лукавые усмешки девчат: «Смотрите, шефы, не перестарайтесь, не надорвитесь на тяжелой работе!»

«Какая же это тяжелая работа — строить? Да прекраснее ее и нет ничего на земле!»

Л. ОСИПОВА

Ю. Кугач. ЛЕТОМ 1941 ГОДА.

ВЫСТАВКА РАБОТ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Е. Козанов, А. Орловский. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ.

А. Кулаков. ШЕФЫ В КОЛХОЗЕ. (Фрагмент).

«Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся по отбытии 8-мичасового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма»

(В. И. ЛЕНИН).

ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ

Депутат Ленинградского горсовета

В. СКОРОБОГАТОВ

То, о чем хочется поведать, я услышал в одном доме, будучи там в гостях. Говорили о детях, школьниках. Один сетовал:

— Ведь вот как ни стараешься, как ни следишь за сыном, а с арифметикой все не ладится у него! Выше троек не поднимается...

— А наш-то дома с педагогом дополнительно занимается...

— Нет, нам, пожалуй, сейчас трудновато будет. Не осилить, если на дом учителя приглашать.

— Так ведь наш бесплатно... Да, да, дома, но бесплатно...

И выясняется: в Московском районе в одном из домов жильцы организовали для плохо успевающих в школе детей кружки. С ребятами бесплатно занимаются проживающие здесь педагоги: Беляев — по русскому языку, Магин — по арифметике, Тарвист дает уроки английского.

Ничем на первый взгляд не примечательная эта история из жизни ничем не примечательного ленинградского дома, признаться, произвела на меня большое впечатление. Я почему-то сразу вспомнил прочитанную в «Огоньке» статью женщины-управдома из Таллина; она рассказывала о том, как в их доме жильцы сами позаботились о досуге ребят после школы. И вот захотелось поделиться на сей счет некоторыми соображениями.

В наши дни во все более широких масштабах осуществляются великие идеи Ленина о добровольном и безвозмездном участии трудящихся в управлении государством. Никита Сергеевич Хрущев не раз указывал, что по мере нашего продвижения вперед, к коммунизму надо решительнее передавать отдельные функции управления государством, функции некоторых советских органов в руки общественности.

Это очень правильно. И мне как депутату Ленсовета хочется с особой настойчивостью подчеркнуть: присмотритесь к делам наших общественников! Какие большие дела они вершат! И без шума, без треска, без звонких фраз, вовсе не рассчитывая на то, что их где-то будут прославлять, отмечать.

Я как-то поинтересовался: на какой актив опирается наш Ленинградский Совет депутатов, райсоветы?.. Мне назвали весьма внушительную цифру — сто тысяч. Добавьте к ним более полумиллиона ленинградцев, тесно связанных с профсоюзными комитетами, пятьдесят тысяч добровольцев-дружинников, двадцать одну тысячу человек, объединенных домовыми комитетами. Это же могучая армия, великая сила, если умело ее использовать!

И тут я уже слышу голоса скептиков: «Так то ж только в списках, для отчета. Как говорится, от слова до дела — сто перегонов».

Нет, это не совсем так. Я как депутат участвую в работе комиссии по народному образованию и мог бы назвать фамилии очень многих товарищей, которые бесплатно, по велению гражданского долга проверяют ход строительства новых школ и интернатов, знакомятся с жизнью детских домов и садов, деятельностью педагогов. Они вносят интересные предложения, к которым исполкомы внимательно прислушиваются.

А рабочие контролеры! Подумать только, какие штаты потребовались бы для торговых инспекций, не будь этих энтузиастов-общественников! Жителям Московского района хорошо известны появляющиеся то в одном, то в другом магазине, то в одной, то в другой столовой общественные контролеры с завода «Электросила». Их восемьдесят, рабочих и служащих. Руководит ими старший техник-нормировщик Мария Ивановна Сенюхина. В часы, свободные от работы, они бесплатно помогают торговому отделу райсовета наводить порядок в магазинах. Люди очень настойчивые, принципиальные, непримиримые к недостаткам.

Мне так рассказывали о слесаре Борисе Червонцеве:

— Пожалуй, не все штатные работники торготдела столь внимательно следят за порядком обслуживания рабочих в кафе, в буфетах, как это делает товарищ Червонцев.

Вместе со своим коллегой по общественному контролю, обмотчиком Алексеем Никитиным, он установил, что в одной из столовых на Московском проспекте буфетчица Бутко обсчитывает, грубит. Доложили заводской комиссии. По ее решению буфетчицу освободили от работы. Потом, месяц спустя, взяли ее на завод, дали возможность исправиться: «Вот на ваше попечение небольшой буфет. Учтите: малейшее нарушение правил советской торговли — и можете считать себя навсегда свободной от права обслуживать наших людей». Говорят, подействовало. Другой стал человек.

Некоторые думают, что общественные контролеры только и делают, что злоупотребления вскрывают. Кстати, и злоупотреблений этих становится все меньше. Но ведь много у них и других забот. Они следят за санитарным состоянием торговых помещений, хранением продуктов, качеством обедов, культурой обслуживания. Это с их помощью в том же Московском районе открыли диетические магазины. Было так, что в булочной на улице Решетникова никогда не купишь свежего хлеба. Покупатели пожаловались общественному контролеру. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, на хлебозаводе неправильно составили график доставки хлеба в магазин. Добились изменения графика. Теперь, пожалуйста, продавец в любой час предложит вам свежую булку.

Сейчас в Ленинграде в жилищных хозяйствах 1 753 общественных домовых комитета — домкома. Я начал с рассказа о педагогах, которые у себя дома бесплатно занимаются с ребятами. А ведь сколько таких примеров можно привести! Скажем, тот же Московский район, он мне особенно хорошо знаком. В одном доме (8-я ЖЭК — жилищно-эксплуатационная контора) силами общественности отремонтировали прачечную, благоустроили двор; в другом — создали свою библиотеку: жильцы сами дали книги; в третьем (10-я ЖЭК) занялись устройством детей в интернат, а в доме 9 по улице Решетникова три девочки — Неля, Лена и Наташа — по просьбе домкома ухаживают за престарелыми пенсионерами Захаровыми...

Когда побываешь в таком жилом доме или в районной поликлинике, где профессор Николай Ильич Блинов после своей основной работы на кафедре бесплатно принимает больных, когда встретишься с такими людьми, сразу как-то поднимается настроение. Вот они, «души прекрасные порывы». Негромкие дела добрых советских людей напоминают о зримых чертах коммунистической сознательности.

Да, именно добрые советские люди! В нашем обществе становится все больше граждан, которые делают доброе дело не по долгу службы. И эта армия энтузиастов-общественников, несомненно, быстро пополнится новыми отрядами, если будут горячо поддержаны их хорошие начинания. Ведь как легко погасить эти самые «души прекрасные порывы»! К сожалению, в некоторых советских учреждениях еще предостаточно товарищей равнодушных, не работников, а служащих. Разве не бывает и так: общественный контролер посылает акт в торготдел исполкома, а оттуда ни ответа, ни привета. Или придет отписка по принципу: нельзя не сознаться, но нельзя и признаться.

Если мы хотим, чтобы движение энтузиастов-общественников росло и ширилось, нужно решительно изменить отношение к ним, к их предложениям, замечаниям. Надо, чтобы руководитель любого советского учреждения видел в них своих верных помощников. А подчас от них отмахиваются, как от «надоедливых», «назойливых», «стариков с причудами»...

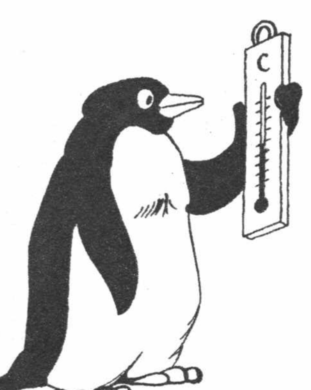
Мы вступаем в такой период строительства коммунизма, когда важным мерилом заслуг человека перед обществом становится предвиденная Лениным бесплатная, безвозмездная деятельность на благо людей, тебя окружающих. И мне думается, что человек, который не корысти ради делает большое, полезное дело для общества, заслуживает почета, уважения, пожалуй, не меньшего, чем передовой рабочий или колхозник. А я что-то не встречал на доске почета портрета товарища, который тем знаменит, что бесплатно после работы занимается, скажем, улучшением торговли и достиг здесь немалых успехов.

Поистине великой силой становится наша общественность. Пора всячески расширять сферу приложения ее сил. У нас, в Смольнинском районе, например, пенсионеры, офицеры в отставке занимаются проверкой заявлений нуждающихся в жилплощади — прежде это делали штатные инспекторы. Мне кажется, что исполкомы более активно должны привлекать общественников к проверке писем трудящихся. Порой ответы на такие письма носят формальный характер, иногда даже на стандартном бланке. А ведь поручи это дело какому-нибудь энтузиасту-общественнику, он и глубоко в суть просьбы вникнет и ответить сумеет тепло, подробно, душевно...

Слышал я как-то разговор молодых работниц. Жаловались: детских садов еще мало. Уходят родители на работу — на кого ребенка оставить? А почему бы домкомам не проявить такую инициативу: найдутся же среди жильцов дома старушки пенсионерки, которые согласятся присматривать за небольшой группой ребят, пока не вернутся родители. И погулять с детьми, и накормить их, и спать уложить. Сегодня ребята играют в комнате у Вовы, а завтра — у Вали. А спать разошлись по своим квартирам. Был бы только внимательный глаз доброй женщины...

Я назвал лишь несколько «точек» приложения сил общественности. Думаю, что читатели «Огонька» продолжат этот разговор и укажут на другие такие «точки».

В АНТАРКТИДЕ ТОЖЕ

Андрей **КАПИЦА**,
кандидат географических наук

Думаю, что каждому путешественнику лестно увидеть свое имя рядом с именем Магеллана. Такая честь выпала недавно мне, как и другим пятнадцати советским полярникам, посетившим научную станцию Амундсен-Скотт на Южном полюсе.

Но зато долгим и мучительным был поход от Мирного к полюсу. Около 2 700 километров прошел наш санно-гусеничный поезд по ледяной пустыне, на высотах до трех с половиной тысяч метров над уровнем моря.

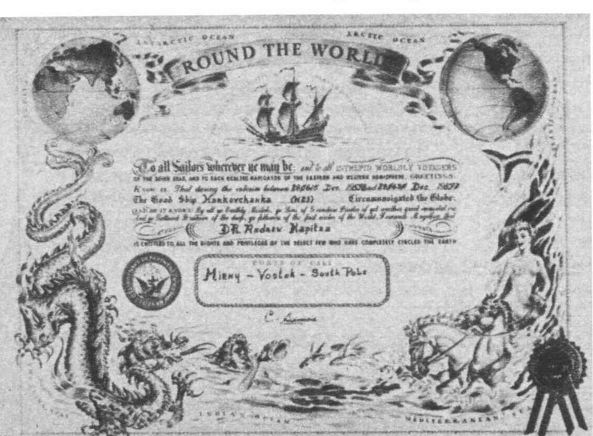
Наши машины то вязли в сыпучем, сухом, точно песок, снегу, то преодолевали крутые, прессованные морозом и ветрами заструги.

Гостеприимные коллеги-американцы преподнесли нам шуточные дипломы в ознаменование самого короткого и самого быстрого кругосветного путешествия. Всего за пятнадцать минут объехали мы вокруг южной точки земной оси на своих снегоходах-«харьковчанках».

Нередко в пути надо было ремонтировать гусеницы. В разреженном воздухе при морозах ниже 50 градусов каждый взмах кувалдой требовал напряжения.

Нашему наземному походу хорошо помогали крылатые друзья. Чтобы перевозить больше горючего и припасов для поезда, чтобы летать без промежуточных посадок между Мирным и станцией Восток, наши авиаторы поставили на лыжи самый крупный воздушный корабль экспедиции — самолет «ИЛ-12» (до сей поры такие машины пользовались только колесным шасси).

Первую посадку на лыжах в глубине ледяного континента совершил командир авиаотряда Борис Семенович Осипов.

ROUND THE WORLD

To all Sailors wherever ye may be: and to all INTREPID WORLDLY VOYAGERS

The Good Ship Hankovchanka (N23) Circumnavigated the Globe.

DR. Andrew Kapitza

Mirny – Vostok – South Pole

Все на свете относительно. Приближаясь к Южному полюсу, наши «харьковчанки» словно катились под горку: высота ледяного плато над уровнем моря была теперь уже менее трех тысяч метров. Ослабли и морозы. При 20—30 градусах ниже нуля, под ярким, незаходящим солнцем нам было порой почти жарко...

Теплой, дружеской была встреча с американцами.

Свято соблюдались морские обычаи на наших «сухопутных кораблях». Когда поезд въезжал на территорию станции Амундсен-Скотт, мы подняли вместе с советским государственным флагом и национальный флаг США. Во время нашего пребывания на полюсе рядом с американским флагом был поднят государственный флаг СССР.

Славно поработали, дружно повеселились хозяева и гости в эти дни.

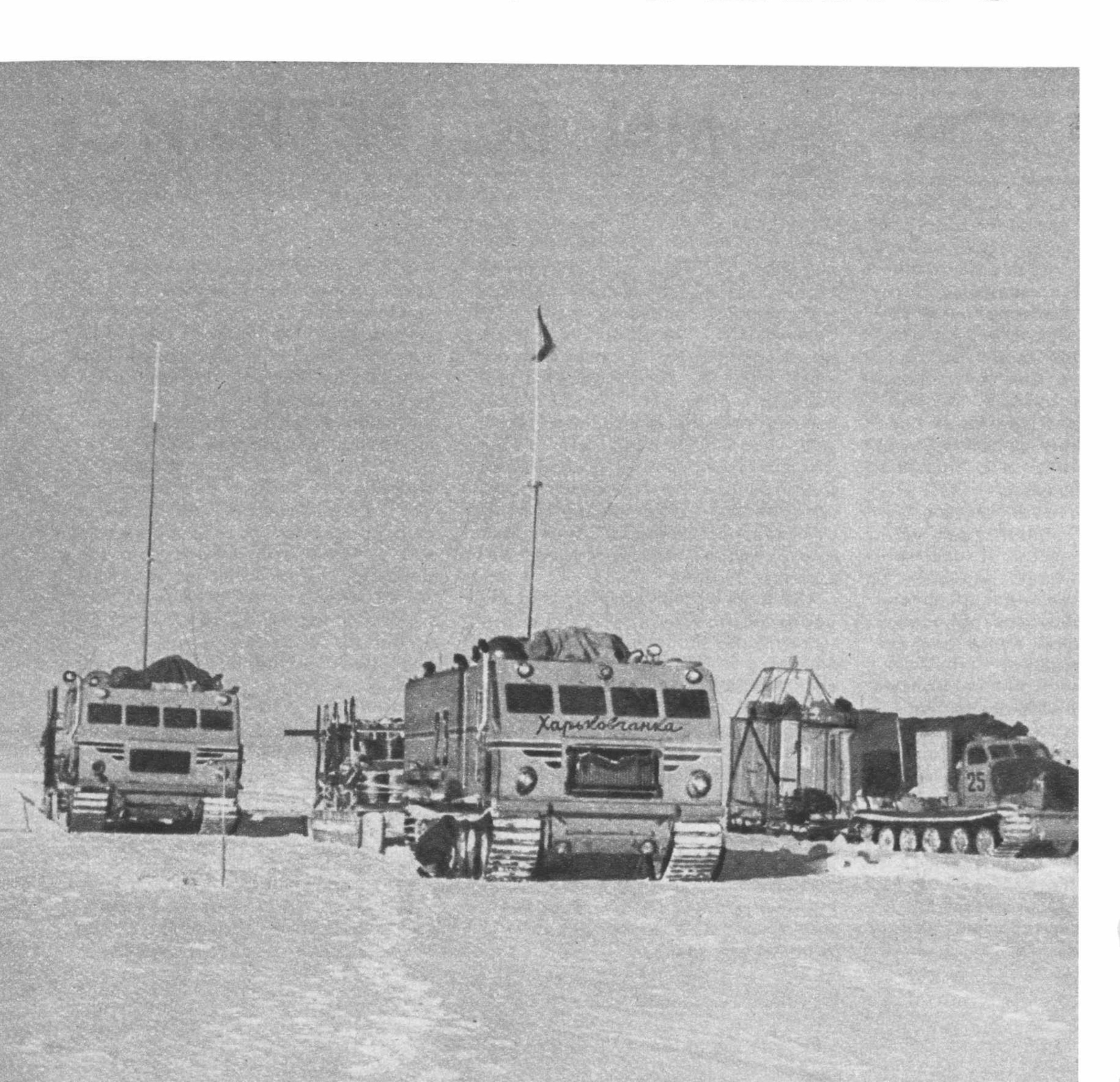
Американцы высоко оценили наши научные работы. Особенно понравился им портативный буровой станок, которым инженер Н. И. Казарин быстро пробуривал во льду 50-метровые скважины. Сами же американцы бурят только вручную, не более чем на 10—12 метров.

Понравились коллегам и наши снегоходы с их удобными кабинами. Чтоб не стеснять хозяев, гости жили в своих машинах.

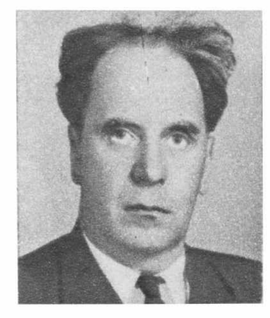
Коллеги угощали нас вкусными обедами, завтраками, ужинами. А мы старались разнообразить стол американской кают-компании своим русским меню. Наш повар Юрий Самсонов, как говорится, не ударил лицом в грязь.

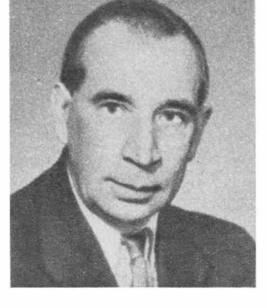
Однако в гостях хорошо, но дома лучше. Пора в обратный путь. По заведенной у американцев традиции мы на прощание расписывались на флагштоке станции Амундсен-Скотт.

БЫВАЕТ ТЕПЛО

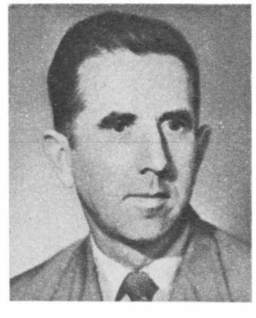

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

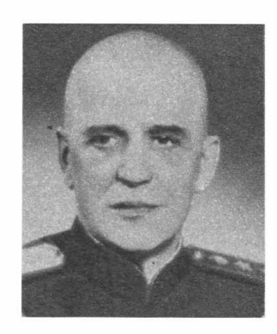
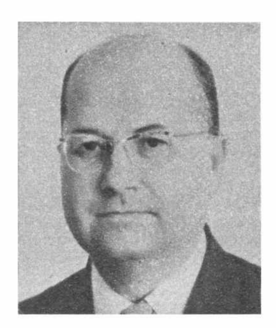

С. Н. ВЕРНОВ. А. Е. ЧУДАКОВ. Н. В. ПУШКОВ. Ш. Ш. ДОЛГИНОВ.
Премия присуждена за открытие и исследование внешнего радиационного пояса Земли и исследование магнитного поля Земли и Луны.

А. И. ЛЕЙПУНСКИЙ. О. Д. КАЗАЧКОВСКИЙ. И. И. БОНДАРЕНКО. Л. Н. УСАЧЕВ.
Премия присуждена за научные исследования физики ядерных реакторов на быстрых нейтронах.

А. Е. КРИСС.
Премия присуждена за научный труд «Морская микробиология (глубоководная)».

А. А. ВИШНЕВСКИЙ. П. А. КУПРИЯНОВ. Е. Н. МЕШАЛКИН. Б. В. ПЕТРОВСКИЙ.
Премия присуждена за разработку новых операций на сердце и крупных кровеносных сосудах.

В. В. МОНАХОВ.
Премия присуждена за художественный фильм «Судьба человека».

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ,

С. БОНДАРЧУК,
лауреат Ленинской премии

Три человека медленно, поддерживая раненого товарища, поднимаются по ступенькам подвала и останавливаются, ослепленные. Эти трое — русский, американец и англичанин — военнопленные, бежавшие из немецкого концлагеря близ Рима. Они скрывались в подвале и сегодня впервые увидели солнце. Таков один из первых эпизодов картины Роберто Росселлини «Ночь над Римом».

Еще в Москве, до начала съемок фильма, когда я познакомился со сценарием Серджо Амидеи, присланным мне Росселлини, я подумал о необычности замысла этого фильма. Итальянский неореализм как бы раздвигал рамки, обращаясь к новой для него теме — содружества людей разных национальностей, разных вер и мировоззрений.

События прошлого, о которых должна была идти речь в фильме, были обращены лицом к настоящему. Мне показалось глубоко знаменательным, что этот замысел решился претворить в жизнь именно Росселлини. Тот самый Роберто Росселлини, картина которого «Рим — открытый город», созданная в 1945 году, надолго определила пути передового итальянского киноискусства.

Сниматься в картине, кроме меня, были приглашены английский артист Лео Генн, американский — Питер Болдуин, итальянские артисты Джованни Ралли и Ренато Сальвадоре.

Когда мы впервые встретились на съемках в Риме, стало понятно, что начало нашей совместной работы над картиной будет нелегким. У каждого из нас за плечами был разный жизненный опыт, разные школы мастерства, и говорили мы на разных языках. Но почти целые дни нам приходилось жить бок о бок. С раннего утра начинались съемки. Продолжались они часов десять — двенадцать, и вскоре оказалось, что общих интересов у нас больше, чем думалось вначале.

Лео Генн часто вспоминал Художественный театр, его приезд в Лондон, пьесы Чехова. Известный английский киноартист, он снимался в шестидесяти фильмах. Своей работоспособностью, энергией, большой культурой он покорял окружающих.

Питер Болдуин очень молод. Скромный, застенчивый, он любит стихи и мечтает о путешествиях. В Италию ему уже посчастливилось попасть, теперь он мечтает о поездке в Советский Союз. Он хотел бы побывать и в настоящей русской тайге и на Севере, в тундре...

«А Кавказ, Уссурийский край, озеро Байкал?» — подсказываю я. Питер улыбается: «Россия никак не укладывается в туристский маршрут. Но какая это интересная страна, какой интересный народ!»

Особенно сближало всех нас стремление к убедительному раскрытию глубоко гуманистической темы картины. Герои фильма находятся в опасности; перед лицом смерти они понимают, как тесны узы, которые их связывают. Люди разных стран, они не имеют даже достаточного запаса слов, чтобы объясниться друг с другом: их сближает человечность. У них простые сердца, но это сердца настоящих людей.

Один из троих друзей, русский партизан, погибает. И тут еще одна, глубоко волнующая тема поднимается в картине... Старая итальянская крестьянка, бредущая проселочной дорогой, кладет цветы на простую могилу. Она знает: здесь похоронен русский человек. Он сражался здесь, на ее земле, с ее врагами...

Рабочие съемочной группы, с которыми я подружился, не раз рассказывали мне о русских, сражавшихся бок о бок с их товарищами и родными в тяжелые военные годы. «Отважные ребята!» — вспоминали они.

В Северной Италии, в окрестностях Болоньи и Равенны, можно увидеть простые серые обелиски, на которых нет даже фамилий, просто: «Василий», «Мишка»... Партизаны-гарибальдийцы пели свою любимую песню на мотив «Катюши». Кто знает, может быть, впервые запел ее простой русский парень Федор, которого я играл в фильме... И иногда мне казалось, что то внимание и забота, которые проявляют по отношению ко мне и реквизитор Бруно и другие рабочие, относятся, собственно, не ко мне, а к тому Федору, которого я играл. С реквизитором Бруно мы особенно подружились.

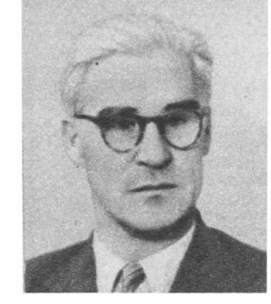
В Риме многие мои новые знакомые просили меня подарить ремень моего Федора — обыкновенный солдатский ремень с пряжкой, на которой изображена пятиконечная звезда. Я подарил его Бруно: он заранее заручился моим обещанием...

* * *

В первые дни приезда в Рим меня постоянно преследовало ощущение, что сцены повседневной жизни этого большого города я уже видел раньше в каком-то

С. В. ИЛЬЮШИН.

В. К. КОККИНАКИ.

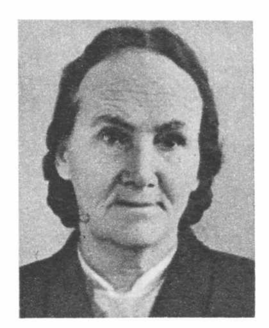

В. А. БОРОГ.

В. М. ГЕРМАНОВ.

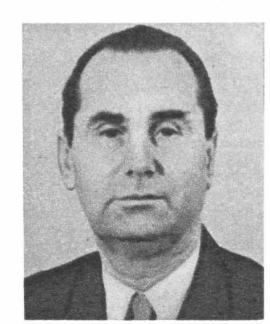

А. Я. ЛЕВИН.

Е. И. САНКОВ.

Премия присуждена за разработку и создание пассажирского самолета «ИЛ-18».

О. К. КОЛОМИЕЦ.

М. Г. БОРДОНОС.

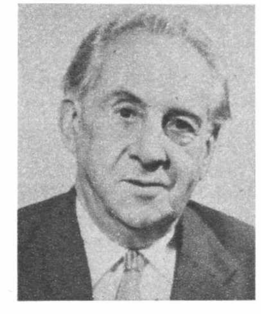

И. Ф. БУЗАНОВ.

В. П. ЗОСИМОВИЧ.

Г. С. МОКАН.

А. В. ПОПОВ.

Премия присуждена за создание новой формы и выведение сортов сахарной свеклы с односемянными плодами.

М. Ф. РЫЛЬСКИЙ.
Премия присуждена за книги стихов «Розы и виноград» и «Далекие небосклоны».

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ
Премия присуждена за книгу стихов и поэм «Голос Азии» и поэму «Хасан-арбакеш».

Р. Л. КАРМЕН.

Д. М. МАМЕДОВ.

С. Е. МЕДЫНСКИЙ.

Премия присуждена за цветные документальные фильмы «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря».

Г. В. СВИРИДОВ.
Премия присуждена за «Патетическую ораторию» на слова В. Маяковского.

ЧТОБЫ ДРУЖИТЬ

итальянском фильме. Где же я видел этих двух пожилых женщин, своим яростным спором привлекших внимание всего квартала, или молодых монахов, засучивших сутану и гоняющих футбольный мяч на пустыре вместе с ребятишками?..

Первые же впечатления наводили на мысль о том, как хорошо итальянские художники знают жизнь своей страны и как правдиво, свежо умеют рассказать о ней.

В Риме мне удалось посмотреть несколько последних итальянских картин. Я беседовал с итальянскими артистами, кинорежиссерами. Росселлини с его поисками больших тем, волнующих все человечество, не одинок. Марио Моничелли в картине «Мировая война», Цурлини в «Бурном лете», вновь и вновь возвращаясь к страшным событиям прошлого, рассказывают о войне и о людях, которые не хотят войны. Их картины — суровый обвинительный акт, который простые люди предъявляют войне. Одна из прогрессивных итальянских кинокомпаний ведет в настоящее время переговоры с Советским Союзом о совместной постановке антифашистского и антивоенного фильма «Сержант в снегах».

В одной из бесед кинорежиссер Витторио де Сика рассказал о своей новой работе. Он готовится к съемкам фильма по роману Альберто Моравиа «Чочара». Роман этот, хорошо известный советским читателям, повествует о жизни беженцев и крестьян в горной деревушке, оторванной от всего мира, о тлетворном дыхании войны, от которой нигде нельзя спрятаться. Де Сика объездил всю Чочарию, прежде чем нашел убогую деревушку, прилепившуюся на небольшом выступе скалы. Здесь и предполагается вести съемки картины. В роли юной героини снимается простая девушка из народа...

Де Сика говорит о том, что работа над новой картиной доставляет ему громадное удовлетворение, но тут же, погрустнев, добавляет, что большинство его картин, да и не только его картин, получивших признание в Советском Союзе и других странах, в Италии не пользовалось коммерческим успехом. Владельцы кинотеатров предпочитают другие сюжеты: сладкие тенора, африканские завоеватели, патологические страсти.

Очень короткой, но памятной была встреча с итальянским кинорежиссером Джузеппе Де Сантисом. Он полон творческих замыслов, но ничего не снимает. У него лежат три сценария, но нет средств на съемки. Продюсеры отказываются его финансировать. Работать на заказ, воплощать в жизнь чуждые ему замыслы он не умеет.

Прогрессивным итальянским художникам, стремящимся в настоящее время к созданию произведений большого общественного резонанса, приходится продираться сквозь цензурные рогатки, испытывать гнетущую зависимость от финансовых кругов. Но правда всегда побеждала!..

* * *

В одном из стариннейших домов Рима, украшенном фресками учеников Микеланджело, где производились съемки картины Росселлини, мы собрались вместе: артисты, рабочие съемочной группы, режиссер, продюсеры. На большом столе десятки стаканов образовали пятиконечную звезду. Это были торжественные проводы, устроенные русскому актеру. Я говорил о тех новых знаниях, новом опыте, который получил, работая над воплощением замысла итальянского кинорежиссера, о той теплоте человеческих отношений, которая возникла здесь, в Италии, между нами.

Люди разных стран, мы сидели за общим столом. Это не должно быть счастливой случайностью, это должно стать обыкновением. Будем надеяться, что люди всего мира отвоюют свое право на дружбу, право на счастье.

Итальянская киноактриса Джованни Ралли и Сергей Бондарчук в перерыве съемок фильма.

Интервью «Огонька»

РАДИОТЕХНИКОЙ РОЖДЕННОЕ

Академик А. И. БЕРГ

В текущем году мы в пятнадцатый раз отмечаем День радио. Уже стало традицией подводить весной итоги развития отечественной радиоэлектроники. В мае советские радиоспециалисты собираются на традиционную сессию Научно-технического общества радиотехники и электросвязи имени изобретателя радио Александра Степановича Попова. В этих заседаниях, помимо сотен членов общества, принимают участие ученые из зарубежных стран.

Пятнадцать лет — это большой срок для развития науки, особенно для такой молодой области, как радио. Поэтому хочется подвести некоторые итоги.

Уже в предвоенные годы наша страна занимала ведущее место в области радиовещания, но мы имели всего два телецентра. Теперь число телецентров близко к сотне, а количество современных телевизионных приемников исчисляется миллионами. Начат обмен телевизионными программами между различными городами, а в ближайшие годы станет возможен обмен с зарубежными телецентрами. Перед нами величественная задача покрыть телевизионным вещанием всю территорию нашей Родины.

Я начал разговор со сравнительно «старых» областей радиотехники. Радиовещанию, развитие которого определялось прямыми указаниями В. И. Ленина, уже почти сорок лет, а современному телевидению — около двадцати.

В наши дни приобрели права гражданства такие области радио, о которых пятнадцать лет тому назад мы не могли и мечтать. Так, возникла радиоастрономия — молодая наука, внесшая много нового в наши представления о строении и развитии Вселенной, о процессах, происходящих на Солнце и в далеких туманностях. Радиоастрономы сумели прощупать центральную область нашей Галактики, навеки закрытую от взоров человека непрозрачными облаками космической пыли. Радиотелескопы установили, что поверхность Луны покрыта слоем пыли, защищающей лунную почву от палящих лучей Солнца и холода космического пространства.

К ровесникам радиоастрономии относится радиоспектроскопия — наука, позволяющая при помощи радиоволн изучать строение молекул, исследовать свойства атомных ядер, наблюдать за ходом химических реакций и даже изучать сложнейшие процессы, происходящие в живых клетках.

Радиоспектроскопия позволила создать невиданные молекулярные генераторы радиоволн и атомные стандарты. На их основе уже созданы точнейшие часы.

Радиоастрономия и другие области радиотехники применяют замечательные сверхчувствительные радиоприемники, на входе которых вместо электронных ламп работают новые малошумящие усилители — одно из детищ радиоспектроскопии.

Точнейшие и крайне чувствительные измерители магнитного поля, основанные на методах радиоспектроскопии, откроют новые возможности в геологической разведке.

Блестящим подтверждением достижений нашей радиотехники явились фотоснимки невидимой стороны Луны, переданные по радио с борта советской космической ракеты. Всем ясно, что без радио было бы невозможно передать что-либо с искусственного спутника Земли или с ракеты, удалившейся на сотни тысяч километров. Но не следует забывать и о том, что без сложной и точной радиоаппаратуры был бы невозможен сам запуск и выведение на орбиту искусственных космических тел. Впереди новые подробные исследования поверхности Луны, а затем и планет. Мы с вами еще заглянем под слой облаков, закрывающих поверхность Венеры, узнаем тайну каналов Марса и загадочных лучей, наблюдаемых на поверхности Луны.

Однако вернемся к земным делам. Радио во многих отношениях стимулировало появление еще одной новой науки, развитие которой тесно связано с задачами автоматизации и применением быстродействующих электронных машин. Я имею в виду кибернетику.

Пятнадцать лет назад небольшая группа ученых делала первые шаги в изучении общих законов передачи и обработки информации, законов управления сложными системами и процессами. Перед новой наукой быстро открылись широкие перспективы.

Ныне кибернетика, подобно математике, проникает во многие области науки и техники. Она объединяет такие далекие на первый взгляд вопросы, как искажение телевизионного изображения или планирование производства.

Я хочу остановиться главным образом на значении кибернетики для нашего народного хозяйства. Планирование и управление народным хозяйством Советского Союза осуществляется в соответствии с объективными экономическими законами. Это служит надежной основой применения кибернетики. Однако, к сожалению, законы конкретной экономики разработаны еще недостаточно. Это препятствует полному использованию возможностей современных электронных вычислительных машин при решении задач экономического планирования. В этом отношении наши экономисты еще в большом долгу перед страной.

Вычислительный центр Академии наук СССР освоил некоторые методы расчетов некоторых межотраслевых связей и методы оптимального планирования массовых перевозок. По предварительным данным, например, переход к планированию перевозок угля при помощи вычислительных машин дает весьма внушительную экономию. Постепенно новые методы должны обеспечить все планирование транспорта, хранения и распределения материально-технических средств.

Следует подчеркнуть, что плановые основы советского общества позволяют наиболее полно использовать методы кибернетики. Ведь в условиях капитализма планирование возможно лишь внутри отдельных конкурирующих между собою фирм.

Кибернетика является также одним из путей проникновения радиоэлектроники в биологию и медицину. Этих путей уже открылось сравнительно много. Можно рассчитывать, что в ближайшее время роль электронных приборов в профилактике, диагностике и лечении заболеваний станет сравнимой с ролью химии, являющейся сейчас одним из важнейших поставщиков лекарств.

Вы спрашиваете, чего следует ожидать от радиоэлектроники в ближайшие пятнадцать лет. Несомненно, это будут годы быстрого развития самого радио и его применений. Я не могу предсказать, какие новые дочерние науки появятся у радио в будущем, но можно не сомневаться в том, что они возникнут. Детище А. С. Попова никогда не станет бесплодным.

ЗДЕСЬ ЖИЛ А. С. ПОПОВ

...Осень 1899 года. В страшной снежной метели сбился с курса и сел на камни около острова Гогланд в Финском заливе броненосец «Генерал-адмирал Апраксин». Для связи корабля с материком и руководства спасательными работами впервые в истории человечества был применен беспроволочный телеграф — изобретение А. С. Попова.

Одна станция была установлена на острове Куутсало, близ города Котка.

...Сейчас остров Куутсало порос лесом. Из-за деревьев проглядывают нарядные финские домики поселка Аутио.

Хозяин дома, в котором останавливался в тот год Попов, Алпо Аутио встречает нас очень радушно.

Он рассказывает:

— А ведь это Александр Степанович помог мне выбрать профессию, навсегда полюбить ее! Я работал инженером-электриком и лишь недавно ушел на пенсию.

На столе — настоящий тульский самовар.

На самоваре выгравировано: «Радушным хозяевам В и М Аутио от Попова и Реммерта 19 $\frac{24}{1}$ 00».

Этот подарок берегут в семье Аутио как самую ценную реликвию.

А. СЕМУШИН

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунки **П. ПИНКИСЕВИЧА.**

1

Прежде всего о том, как родилась эта повесть, как попали ко мне лежащие в основе ее дневники и другие материалы.

В 1958 году, совершая на автомобиле поездку по стране, я заночевал в старом русском городе Острове. Устроившись в гостинице, я отправился побродить по городу. Вышел к реке и остановился в удивлении. Представьте себе довольно безлюдный к вечеру маленький городок, деревянные дома в садах, тишина — и вдруг перед вами мост, словно перенесенный сюда, скажем, из Ленинграда: могучие стальные упоры, цепи, гранитные тумбы.

Зачем нужно было на этой тихой речонке воздвигать такой величественный мост? Он был явно дореволюционной постройки. Не ввело ли в заблуждение петербургский департамент то обстоятельство, что эта речонка носит название «Великая»?

Возле меня остановилась пожилая женщина с «авоськой», набитой книгами.

— Что вас так интересует? — спросила она дружелюбно.

— Красивый у вас мост, — ответил я.

— Вы приезжий?

Вопрос прозвучал уже настороженно, и я решил сразу же все прояснить. Сказал, что я не столько приезжий, сколько проезжий, совершаю поездку по стране, что остановился здесь в гостинице. Я назвал свою фамилию. Мы познакомились.

Ольга Михайловна Никишина — так звали женщину — почти сорок лет проработала в библиотеке. Теперь она на пенсии, приехала в Остров на лето, живет у подруги своей юности, у которой тут свой домик. Мы разговорились о том, о сем и, конечно, о нашей литературе. Вдруг Ольга Михайловна спрашивает:

— Не хотели бы вы ознакомиться с одним дневником? По-моему, очень любопытный человеческий документ.

Я согласился. Ольга Михайловна задумалась.

— Вот не знаю только, как практически это сделать. Дело в том, что эти документы хранятся в Пушкинских Горах у моей двоюродной сестры. Война, знаете, разбросала не только людей, но и их имущество.

Я сказал, что если материалы, о которых она говорит, действительно интересные, я съезжу в Пушкинские Горы, тем более, что это не так далеко, и, наконец, я не прочь еще раз побывать в тех заветных местах.

— По-моему, очень интересные, хотя я и не все прочитала. Записки о войне какого-то неизвестного человека.

Утром я мчался на юг от Острова. В кармане у меня лежало письмо Ольги Михайловны к ее двоюродной сестре. Спустя полтора часа мой «Москвич» уже трясся по булыжной мостовой Пушкинских Гор.

Нахожу домик, указанный на конверте письма Ольги Михайловны. Он стоит на боковой улочке, в окнах пламенеет герань. Тенистый дворик зарос травой, собачья будка еле видна.

Та, которой писала Ольга Михайловна, оказалась еще довольно моложавой, но весьма необщительной особой. Прочитав письмо, она сказала:

— Наконец-то! — После чего прошла за перегородку и вскоре вынесла оттуда перевязанный бечевкой небольшой сверток.

— Ольга вечно собирает и хранит всякое старье, — сказала она. — Хорошо, что она вспомнила. Не сегодня-завтра я бы выбросила это.

Выехав из Пушкинских Гор, я вскоре остановил машину. Мне не терпелось посмотреть, что там, в свертке. Я развернул его. В нем были мелко-мелко исписанные листки бумаги самого разного формата: из записной книжки «День за днем», из ученической тетради в клеточку и даже из какого-то немецкого офицерского дневника. И хотя почерк был очень четким, читать записки было трудно: бумага пожухла от времени, чернила выцвели, а на многих, очевидно, подмоченных листках строчки расплылись и еле проглядывали. Наконец, записи были сложены непоследовательно. Я прочитал несколько листков и понял, что в мои руки попал действительно интересный материал.

Я принял решение снова ехать в Остров, чтобы узнать у Ольги Михайловны о происхождении этого свертка.

Рассказ Ольги Михайловны Никишиной

...К началу войны я жила в Пскове. Произошло какое-то горькое недоразумение с эвакуацией нашей библиотеки, и я со своими книгами осталась в тылу у гитлеровцев, рвавшихся к Ленинграду. Но спасти библиотеку все равно не удалось — она сгорела, а меня судьба забросила в Литву.

Я оказалась в маленьком литовском курортном городке, где меня приютила русская семья, состоявшая из двух сестер примерно моего возраста и глухонемого паренька Сережи, приходившегося им племянником. В этой семье я и прожила всю войну вплоть до прихода наших войск. И вот примерно за неделю до освобождения случилась история, связанная с этим свертком.

Летом 1944 года всем нам было понятно, что гитлеровцы в Прибалтике держатся на волоске. Понимали это и сами гитлеровцы. Наш курортный городок стоял на стратегическом приморском шоссе, и уже по той нервной суете, которая царила на этой магистрали, было видно, что дело идет к дальнейшему отступлению немцев.

Как-то утром я с Сережей отправилась в лес собирать шишки для самовара. Быстро набрав их целое ведро, мы возвращались обратно. Сережа с ведром ушел вперед, а я присела на пенек отдохнуть. Задумалась... Вздрагиваю от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Озираюсь по сторонам и вижу, что в трех шагах от меня из чащи молодого ельника выглядывает человек со светлой шкиперской бородкой, обрамляющей молодое и красивое лицо. Смотрим мы друг на друга и не шевелимся. Потом он здоровается со мной на хорошем немецком языке, называя меня бабушкой — гроссмуттер. Сама не знаю, почему, но я решила, что он русский, и спрашиваю по-русски:

— Кто вы такой, что вам нужно?

Услышав русскую речь, он вышел из ельника и приблизился ко мне.

— Вы русская?

— Да.

— Как вы сюда попали?

— Длинная история. А вы?

— Я тоже русский. — Он помолчал, а потом решительным движением протянул мне этот сверток.

— Прошу вас спрятать это... — Я механически взяла сверток. — Как вас зовут?

Я ответила.

— Ольга Михайловна, огромная к вам просьба: сохраните это. Не бойтесь, в свертке одни бумажки, которые, кроме меня, никого интересовать не могут, а мне они дороги.

Я испугалась. Он это заметил и, волнуясь все больше, начал умолять меня выполнить его просьбу.

Я согласилась. Он спросил, где я живу. Когда мы прощались, он сказал:

— Если я сам не приду за свертком, поступайте с ним как хотите.

И исчез в густом ельнике.

За свертком он так и не пришел. Когда я уезжала обратно в Псков — это было уже в начале 1945 года, — я сказала приютившим меня сестрам, чтобы они, если кто-нибудь будет меня искать, сообщили мой псковский адрес. Там, в Пскове, я надолго не задержалась, перебралась в Ленинград, потом несколько лет работала на Дальнем Севере, потом снова вернулась в среднюю полосу, работала в Витебске, в Велиже. Но куда бы меня ни забрасывала судьба, я обязательно сообщала свой новый адрес туда, в Литву. Однако за свертком так никто и не пришел. В конце концов, собираясь снова уехать на Дальний Север, я попросила мою двоюродную сестру, к которой вы ездили в Пушкинские Горы, поберечь сверток и ее адрес снова сообщила в Литву. Но и сюда за ним, как видите, не пришли.

2

Записи, сделанные с двух сторон на листках из записной книжки «День за днем» 21 июля 1940 года

«Сегодня во второй половине дня прилетели в Ригу, а завтра уже на автомашинах мы поедем в столицу Литвы Каунас. Народный Сейм Латвии принял решение об установлении в республике Советской власти и обратился в Верховный Совет СССР с просьбой принять Латвию в семью советских республик. В связи с этим в Риге происходила бурная манифестация населения. Мы наблюдали ее с балкона Советского посольства. Все было похоже на наш Первомай: оркестры, веселый шум, красные флаги.

Ночевали в гостинице. Моим соседом оказался страдающий астмой пожилой дядька по имени Пал Палыч. Еще в Москве мне сказали, что он специалист по финансам и едет в Литву, чтобы помочь ликвидировать валютную неразбериху. Он долго не мог уснуть, охал и очень шумно дышал. Я спросил, не нужно ли ему помочь. Он ответил:

— Это у меня от волнения разыгралось. Такое дело! Такое дело! Ты понял, чудак, что присутствуешь перед лицом самой истории?

— Похоже на наш Первомай, — сказал я.

И вдруг Пал Палыч разозлился:

— Чудак ты, тысячу раз чудак! Ты же не понимаешь, через какой порог переступает тут целый народ, из какой жизни в какую он шаг делает. Ты даже представить, чудак, не можешь, как тебе повезло.

...В Литве происходит то же, что и в Латвии. Чем больше я знакомлюсь со здешней жизнью, тем глубже понимаю всю важность происходящего. Но вот вопрос: повезло ли мне?

Повезло в том, что командировка дала мне возможность вырваться из-под родительской сверхбдительной опеки. Дорогие мои родители, вы, конечно, старики неплохие и всегда желали мне добра. Но если бы я во всем следовал вашим указаниям, из меня выросло бы довольно чахлое деревце. Но я вступил в комсомол, я занимался спортом, вопреки вам я дружил с ребятами, которые нравились мне, а не вам. Словом, вопреки вам я делал многое.

Мне повезло, что из всех молодых инженеров-экономистов выбрали для посылки сюда именно меня. Это значит, что меня уважают и что мне доверяют, если, конечно, не прав Лешка, сказавший, что выбор пал на меня только потому, что я хорошо знаю немецкий и английский языки.

Тему диссертации я выбрал, сознаюсь, никудышную. Нелепо решать экономические проблемы по данным одного, пусть на сегодня самого совершенного станка. Этот самый совершенный станок завтра может оказаться безнадежно устаревшим вместе с моей диссертацией. Но опять же родители сделали все, чтобы приковать меня к этому станку. И все только потому, что тогда моим руководителем станет «давний друг дома» Сергей Емельянович Радецкий, известный в институте по прозвищу «чародей малых наук». А теперь я послушаюсь совета старикана-великана, профессора Боголепыча, и темой диссертации сделаю то, чему я буду свидетелем здесь, в Литве, — переход капиталистической экономики производства в социалистическую. То, что я уже узнал, необыкновенно интересно. Другой, совершенно другой мир».

Далее листки записной книжки испещрены беглыми, краткими пометками. Такими, например:

«Совещание в 18, иметь данные по всем смежникам».

«Жемайтис прав, все дело в сырье. Телеграфировать в Москву».

«Срочно командировать Айдутиса в Таллин за моторами».

«Ответить на письмо родителей. Обязательно!»

«В ЦК в 14, иметь наметки плана».

«Баня, во что бы то ни стало».

«Калпаса уволить. Хватит!»

«Аварии не случаются, их делают люди». Выражение инженера П.».

«Хоть землетрясение, а ответить родителям. Если бы они знали, как нерегулярно принимает пищу их несравненный Владик».

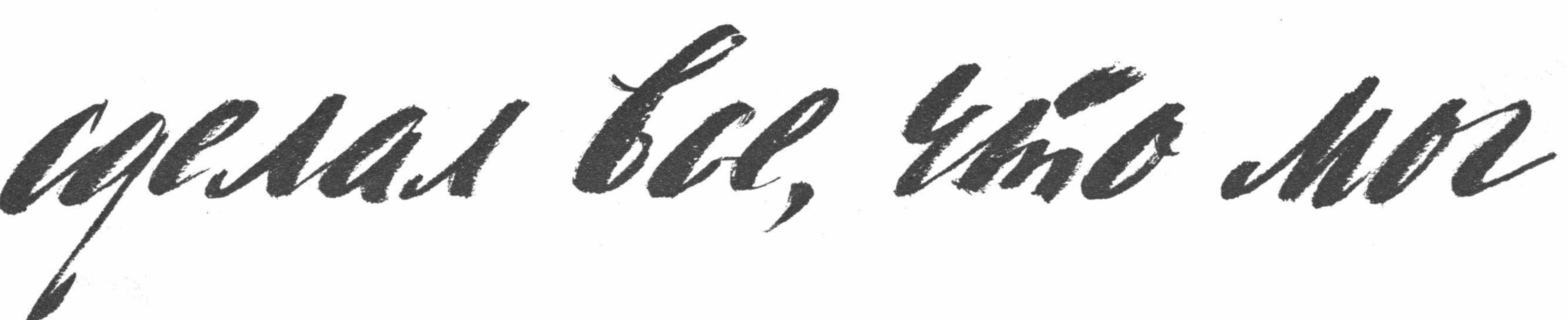
«С перестановкой оборудования — чушь, если не вредительство, замаскированное революционной декламацией. До опыта ленинградцев надо еще дорасти, дорогие мои товарищи литовцы».

«Ответственность за учет возложить на Яниса, он потянет».

«Они словно тоскуют по прежнему хозяину — фабриканту. Очевидно, дело в том, что на фабрике нет крепкой хозяйской руки. Л. С. — хороший дядька, но шляпа. Оно и понятно, в подполье директоров фабрик не готовили. Но где же выход?»

И только одна запись подробная. Она на последней странице книжки:

«Сегодня похоронили Владаса Ничкуса — человека с горячим сердцем, бойца за свободную Испанию, пятидесятилетнего энтузиаста новой жизни. Уже известно, — его убил враг, самый настоящий враг. Кто он, мне еще не сказали, но намекнули, что я его хорошо знаю. В тот последний свой вечер Владас, прощаясь, сказал мне: «Наши дела, юноша,

идут хорошо, а это значит, что врагам нашим плохо, а это, в свою очередь, значит: смотри в оба». Точно он чувствовал что-то. Потрясающе сказал на кладбище директор фабрики: «Наших могил много, но мы живем, и теперь уже никакая сила не убьет нашу свободную жизнь». Просили выступить меня, как «человека из Москвы». Я отказался. Что я мог сказать? Они называют меня человеком из Москвы. У них это звучит почти как святой человек, и во всем громадном смысле, который они придают этим словам, я называться так попросту не имею права. Я как будто знаю, из чего складывается экономика производства, но что я знаю еще? До ужаса мало, до ужаса! А похороненный сегодня Владас в моем возрасте уже сидел в тюрьме за подпольную революционную деятельность. Как стыдно за себя!

Скорее бы уже проходила зима. На душе тревожно и такое ощущение, будто я чем-то виноват в гибели Владаса...»

На последней страничке запись такая:

«Сегодня в горкоме партии мне всыпали за отставание (два или три слова расплылись, их невозможно разобрать). Хоть и обидно, а всыпали правильно. Я обязан был учесть, что местные плановики привыкли смотреть назад, а не вперед...»

3

В свертке не оказалось никаких записей, относящихся к весне и началу лета 1941 года. Следующая запись — уже о войне. Она на листах из тетради. Бумага в клеточку. Почерк тот же самый — мелкий, убористый, четкий. А то вдруг размашистый и трудночитаемый. Иногда можно подумать, что записи производили совершенно разные люди.

...«Вот мой отчет о том, почему. и как я остался в Каунасе. Здесь только правда и никакой попытки оправдаться. Записываю про это только потому, что хочу, в случае...

Первое и главное: учтите, что фашисты прорвались к Каунасу в первые же дни войны. И все эти дни прошли под зверской бомбежкой и при активных действиях местных бандитов из числа националистов. А когда падают бомбы и почти на каждом углу тебе стреляют в спину, трудно требовать от себя четкой организованности. Я только этим могу объяснить, почему намеченная эвакуация завода, в которой я должен был участвовать, не была произведена. В нужный час не оказалось ни транспорта, ни рабочих для производства демонтажа оборудования. Потом поступил приказ взорвать завод. В тот страшный вечер мы (я и четверо бойцов из рабочего отряда самообороны) тщетно ожидали взрывчатку, которую должны были доставить на завод. Ее не доставили. Но если бы это и произошло, вряд ли мы сумели бы сделать все, как надо, ведь ни один из нас не знал, как это делается. А прикрепленный к нам сапер еще днем был убит выстрелом с крыши.

В полночь я решил при помощи короткого замыкания вывести из строя хотя бы моторы. Мы начали эту операцию. Около десятка моторов сожгли, но вдруг не стало электрического тока. Я не знал, был ли он выключен по всему городу, или только в нашем районе, или даже только на заводе. Мы пошли искать трансформаторную будку, но как только вышли из цеха, напоролись на бандитов или на немецких парашютистов. Их было человек тридцать, не меньше, у них были автоматы. Завязалась перестрелка. Рабочий, бывший в нашей группе за старшего, приказал отходить к складским помещениям и через запасные ворота уходить в город.

В городе темень. На первой же улице мы потеряли друг друга. Я не очень хорошо знал город и шел наугад, стараясь только держаться восточного направления. То в одной стороне, то в другой слышалась стрельба, и я всякий раз направлялся в ту сторону, откуда она доносилась, надеясь найти там своих. Но разобраться в темноте, кто стреляет, было невозможно, и я оставил эту затею. Вскоре я вышел на какую-то маленькую площадь, в центре которой виднелся памятник. На площади стояли две немецкие танкетки и легковая автомашина. Я услышал разговор немцев:

— Город взят. Наши танки пошли на Вильнюс. Что будем делать?

— Пить кофе.

Провожаемый гоготом немцев, я прошмыгнул в тесный, как щель, переулок, который вывел меня на довольно широкую улицу. Только я перебежал через нее, как слева послышался быстро нарастающий грохот — по улице на полном ходу промчалась немецкая механизированная артиллерийская часть. Впереди шла открытая легковая машина, над ней развевался белый штандарт со свастикой.

Опять крадусь по узким улочкам. Сердце немеет от страха: что я буду делать, когда рассветет? Со всех сторон, как горы, темные притаившиеся дома. Кто там живет, за этими слепыми окнами? Что, если взять да зайти в подъезд, подняться на самый верхний этаж (там всегда живут люди попроще и победнее) и постучаться в дверь? Неужели не помогут?

Оставляю это на самый крайний случай и иду дальше.

Вышел к Неману. Перед мостом густо замешанное скопление машин и людей. Голос, усиленный динамиком, по-немецки отдает приказы. Разбираю только отдельные слова. Ясно одно: пробраться через мост нельзя. Снова углубляюсь в город и иду параллельно Неману. Еще какая-то площадь. Тоже небольшая, и здесь тоже немцы. Они стоят кучками вокруг грузовиков, курят, громко разговаривают. Не выходя на площадь, я повернул назад.

Стало светать. Проклятый ранний июньский рассвет! Что делать? Был бы со мной сейчас Владас Ничкус, он бы, небось, знал, что делать. Однажды он рассказывал мне, как приходилось ему скрываться от полиции. Вдруг вспомнились его слова: «Всякий народ — народ. И в Литве, как везде, больше людей хороших, людей-тружеников, которые за нас». И тогда я окончательно решил воспользоваться тем, что оставлял на самый крайний случай. Направился к подъезду ближайшего дома. Но, увы, парадный вход заперт. Я к другому дому. Тоже заперт. В третий, четвертый, пятый... Наконец, счастье — парадное открыто. Поднимаюсь на пятый этаж, направо дверь с медной табличкой. Что на ней написано по-литовски, не понимаю, но вижу, что над фамилией выгравированы целые две строчки текста, наверное, какие-нибудь титулы владельца квартиры. Слева дверь, к которой кнопками приколота визитная карточка. Отколол ее и положил в карман. Зачем — не знаю. И позвонил. Безнадежность моего положения усугублялась еще и тем, что у меня в пистолете ни одного патрона. Если за дверью враги, они возьмут меня голыми руками.

Дверь приоткрылась тотчас, словно меня ожидали. Я начал что-то торопливо говорить по-русски, дверь захлопнулась. Тишина. Я уже хотел снова позвонить, но в это время дверь приоткрылась.

— Кто вы есть? — тихо спросил по-русски мужской голос.

— Я русский инженер, не успел уехать. В городе немцы.

Дверь опять закрылась. Теперь я слышал, что за дверью шепчутся. Жду. Шептаться перестали. Гремит дверная цепочка. Дверь открывается.

— Войдите.

Так я попал в квартиру учителя математики Ионаса Шекайтиса. Что будет дальше — не знаю. Учитель напуган моим появлением до смерти. Пока разрешил мне переждать в его квартире день. Живет он вдвоем с женой, которая преподает на дому музыку. По внешнему виду она еврейка. Они постелили мне на полу в малюсенькой комнатке возле кухни. Здесь я и делаю эту запись. Тетрадь дал мне хозяин. Чем кончится для меня этот, уже начавшийся день — не знаю».

Больше на этих тетрадочных листах в клеточку о первых днях войны ничего не записано.

4

Найти литовского учителя Ионаса Шекайтиса оказалось делом совсем не трудным. Пришлось только заехать в Вильнюс, навести там необходимые справки и оттуда позвонить в Каунас. И я уже знал, что Ионас Шекайтис проводит летний отдых в городе Кретинга, неподалеку от популярного курорта Паланга.

На исходе дня я въезжал в небольшой городок, раскинувшийся на крутых берегах реки Данге. Устраиваюсь в маленькой уютной гостинице, спрятавшейся в переулке возле городской площади, и пока не стемнело, гоню свой «Москвич» по сообщенному мне адресу.

А всей-то гонки оказалось от силы триста метров. Домик, где жил учитель, стоял на улице, круто спускавшейся мимо старого костела.

Ионасу Шекайтису лет шестьдесят. Высокий, худощавый. Вьющиеся седые волосы венчают крупную голову. Глаза голубые, но они словно выцвели. На нем рубашка из простой ткани, вышитая национальным орнаментом. На ногах порядком стоптанные тяжелые башмаки. Мы знакомимся и садимся на скамеечку в палисаднике. Над нами хлопотливо шумят позолоченные закатом молодые березки. Я говорю ему о цели своего приезда и показываю листы из тетради, с записью, которую мы только что читали.

— О-о! Конечно, я знаю эту тетрадь! — восклицает учитель, взволнованно рассматривая страницы. — Да, да, это из тетради, которую я ему подарил в то утро.

— Расскажите мне все, что вы помните об этом человеке.

— С удовольствием. Сейчас. Мне нужно немного сосредоточиться... Все-таки давно это было.

Рассказ учителя Ионаса Шекайтиса

...Он пришел к нам в ночь падения Каунаса. Пустили мы его в квартиру не сразу. Откровенно признаюсь, я впускать его не хотел: мало ли что? Моя покойная жена была еврейка, и она острее понимала положение человека, вынужденного скрываться от гитлеровцев. Она настояла на том, чтобы дать ему приют. Мы договорились, что он пробудет у нас только один день, а с наступлением темноты должен уйти.

Однако все вышло иначе. Он прожил у нас целую неделю, и мы с женой приняли некоторое участие в устройстве его судьбы.

Это был совсем молодой человек, лет двадцати трех, не больше. Тонкое, интеллигентное лицо, нос прямой, чуть вздернутый, светлые волосы зачесаны назад. Рост средний, мне он был примерно по плечо. Он очень хорошо говорил по-немецки и по-английски. Сказал нам, что его зовут Владимиром. Мы с женой звали его Вольдемар. Фамилии своей он не назвал.

Пока он спал, мы с женой все время говорили, скажу прямо, спорили о том, как с ним поступить. Жена уже тогда высказала мысль, что его надо спрятать на несколько дней, пока в городе не устоится новое положение. Она ссылалась на радио, которое беспрерывно сообщало о дальнейшем быстром продвижении немцев на восток. «Видишь, — говорила она, — через два-три дня Каунас будет совсем далеко от войны, все здесь утрясется, и тогда Вольдемар уйдет. А сейчас его могут схватить у нашего подъезда».

К моменту, когда Вольдемар проснулся, мы с женой пришли к компромиссному соглашению: пусть беглец пробудет у нас три дня. Мы сказали ему об этом. Он покачал головой и сказал: «Нет, большое вам спасибо, но я уйду, как только стемнеет. Я обязан пробиваться к своим». Он попросил у меня бумагу. Я дал ему тетрадь, и он около часа что-то писал.

Вечером он ушел. Жена дала ему две плитки шоколада. Я дал ему свою шляпу: у него не было головного убора. Он сердечно попрощался с нами, поблагодарил и сказал: «Я никогда не забуду вас». Его шаги давно затихли на лестнице, уже закрылась за ним парадная дверь, а мы с женой еще долго стояли у двери и прислушивались.

Легли спать, но долго не могли уснуть. От каждого звука на улице жена вздрагивала, вскакивала с постели и бежала к окну.

В половине третьего ночи раздался резкий звонок. Оба бежим к двери. Жена спрашивает: «Кто там?» И слышим: «Вольдемар. Откройте».

Оказалось, что почти всю ночь он бродил возле нашего дома. На всех перекрестках стояли патрули, и проскользнуть мимо них было невозможно. Он видел, как патруль застрелил женщину, не остановившуюся на оклик.

Потом он наткнулся на группу немецких офицеров, и его спас оказавшийся рядом проходной двор.

Словом, он вернулся. Моя жена сразу успокоилась, уложила Вольдемара спать и скоро заснула сама.

Целый день мы втроем обсуждали, как быть, и ничего придумать не могли. Одно было ясно: надо выжидать. Решили, что для своих учеников по музыке жена объявится больной. Впрочем, кому в те дни было до музыки? Никто из учеников и не появлялся.

На третий день я впервые вышел из дому и отправился в школу. Там — ни души. Решил пройтись по городу, посмотреть, что и как. Неподалеку от школы встречаю одного нашего педагога. Еле узнал его. Всегда одевавшийся щеголевато, сейчас он больше походил на бедного крестьянина. Когда я его окликнул, он вздрогнул, и мне показалось, что он даже хотел убежать. Мы разговорились, но говорить-то, собственно, было не о чем. «Как здоровье? Как здоровье супруги?» И вдруг я вспоминаю, что этого учителя у нас все считали коммунистом. А он точно прочитал мою мысль и говорит: «Надеюсь, коллега, что вы окажетесь порядочным человеком. Понимаете, что я имею в виду?»

Я говорю, что понимаю и что он может на меня положиться, так как мой предмет — математика, а не политика. Он пожал мне руку, помолчал и сказал: «Черные времена у нас наступили». А меня в это время осеняет мысль: вот кто может помочь Вольдемару, и я, плюнув на всякую осторожность, говорю своему коллеге все, что произошло в нашем доме. Он выслушал меня, посмотрел как-то удивленно и говорит: «Вы, коллега, поступили правильно, а главное — хорошо». Он пообещал подумать, как помочь Вольдемару.

А на другой день он пришел к нам вместе с каким-то молодым человеком. Они поговорили с Вольдемаром, и вскоре все ушли. Вот собственно, и все...

(Продолжение следует)

УТЕРЯННАЯ АЗБУКА

На каком языке написан этот заголовок? Представьте себе, на русском. Правда, не на современном, а на древнем.

Надпись выполнена письменами старинной русской азбуки, считавшейся безвозвратно утерянной.

...Более полувека назад в Чернигове при раскопках одного из курганов урочища «Старое кладбище в Березках» известный русский археолог Д. Я. Самоквасов нашел костяную дощечку. На ней были отчетливо видны какие-то знаки, но что они означали, никто не мог понять. Курган, в котором был похоронен знатный воин, относился к IX веку.

Существовала ли тогда на Руси письменность, известно не было.

При раскопках в Чернигове находили и другие предметы с таинственными письменами. Они заносились в списки, исчезали в музейных хранилищах. Загадка костяной дощечки полвека оставалась загадкой. Лишь в наши дни молодому советскому исследователю Н. В. Энговатову удалось приподнять завесу над этой тайной.

Долгие часы просиживал Энговатов в Исторической библиотеке за толстыми фолиантами, кропотливо собирая крупицы сведений о возникновении на Руси письменности. В конце X века, с принятием христианства на Руси, была официально введена азбука, привезенная из Византии... Одни ученые считают ее греческой азбукой, приспособленной к славянскому языку. По мнению других, общеславянские азбуки кириллица и глаголица были первыми на Руси. Существует и такая точка зрения: будто бы Кирилл — известный просветитель и проповедник византийской церкви,— создавая грамоту для славян, использовал уже существовавшее русское письмо, несколько переработав его, заменив некоторые славянские буквы греческими.

Изучая древнерусские монеты, Н. В. Энговатов обратил внимание на то, что на монетах Владимира и Святополка в словах «на столе» вместо обычного знака «т» все время встречается непонятный знак «п». Вместо обычного «п» в слове «Святополк» на монетах иногда встречалась буква «г». Эта же буква оказалась и в слове «Петрос» в надписях на монете Петра — Ярополка. Значит, существовала какая-то система в употреблении знаков.

Может быть, в то время еще не вышли из употребления знаки древней русской азбуки? Но, возможно, знаки эти обозначали и совсем другое. Необходима была тщательная проверка.

В библиотеке Энговатову попался каталог древнерусских свинцовых пломб, которыми опечатывались товары. На одной стороне пломбы имелась кирилловская буква, а на другой — опять неизвестный знак, уже попадавшийся ранее на одной из монет.

Чтобы набрать запас древних букв, ученый прочитывал надписи, сделанные частично кириллицей, и по смыслу добавлял к ним те буквы, которые были заменены древними знаками. Так накапливался знак за знаком. Получилась таблица. Может быть, это и есть тот древнейший русский алфавит, который возник до проникновения христианства на Русь. Пользуясь своей таблицей, Энговатов прочел текст на костяной дощечке, найденной Самоквасовым полвека назад. Это было не просто. Дело в том, что текст наносился на дощечку так, как было удобно писавшему,— без особой последовательности.

О чем рассказывает дощечка?

Умер знатный княжеский дружинник. Собрались родичи, чтобы проводить его в последний путь. Носилки с телом, разукрашенные дорогими тканями, мужчины вынесли через дыру, проломленную в одной из стен дома. Так делали, чтобы душа мертвеца не нашла дороги назад.

Под причитания плакальщиц воина понесли к костру. По обычаю покойника должны были сжечь вместе с разнообразной утварью и некоторыми домашними животными. На погребальном обряде присутствовали соратники и друзья умершего. Один из них принес в дар двух быков, оформив это для верности письменно: «А ему яти туура» («А ему взять двух туров») — и подписал: «Ягърбунъ».

С помощью найденного алфавита Н. В. Энговатову удалось расшифровать княжеский знак на обратной стороне древних монет. Взяв монограмму князя Изяслава, сына Ярослава Мудрого, ученый попытался разложить ее на знаки древнего алфавита. Когда он их поставил по порядку, получилось слово: «ИЗЯСЛАВЪ».

Значение открытия, сделанного Н. В. Энговатовым, трудно переоценить. Появилась возможность читать памятники, которые до сих пор мертвым грузом лежали в музейных хранилищах.

Но что это за письмо? Тайнопись, разновидность глаголицы или древнейшее русское письмо дохристианского периода? На этот вопрос должны ответить ученые.

О. ЧИЛИКИН

Древнейший русский датированный памятник — княжеская печать Святослава Игоревича (963 год). Надпись на печати выполнена старинным русским письмом. Внимательно рассмотрев ее, вы найдете всего две-три знакомые буквы. А вот что удалось прочесть здесь исследователю:

Святославъ Инъгоревичь

асего печать лѣта 6471 (963 г.)

Таль близок к цели

Сало ФЛОР

В мировой шахматной литературе имеются шедевры творчества, красивейшие партии, даже бессмертные партии крупных мастеров своей эпохи. Но имеются и курьезы, примеры шахматной слепоты, обидные и трагические приключения за доской. Кто из шахматистов не знает, например, трагедии в партии Чигорин — Стейниц в матче на первенство мира в Гаване в 1892 году, когда русский гроссмейстер в выигранной позиции «зевнул» мат в два хода!

По своему драматизму, по своим последствиям такое же обидное происшествие произошло с М. Ботвинником в матче с Талем в 17-й партии. С самого начала партии борьба протекала остро и с преимуществом у Ботвинника. В миттельшпиле игра крайне обострилась. Мама Таля, приехавшая из Риги, обычно спокойно наблюдает игру, сидя в ложе. На этот раз она нервно ходила по коридору, как в клинике, дожидаясь исхода операции. «Что будет с моим Мишей?» — спрашивала мама у знатоков. А те отвечали: «Сегодня может быть все, что угодно: ничья, проигрыш, но если повезет — даже выигрыш».

В конце партии Таль начал играть рискованно, азартно, ва-банк.

«Ботвинник выиграет! Таля ничто не спасет!» — так шепчут друг другу зрители. Поклонники Ботвинника уже записывали единицы чемпиону мира и подсчитывали счет в матче. В этот момент высшего ажиотажа в зале и, конечно, в пресс-бюро произошло что-то совершенно неожиданное. На часах Ботвинника зажглась красная лампочка. Ему следует сделать 39-й ход. Весь зал видит, что надо уйти королем, но Ботвинник берется за ферзя и... через ход сдается. Это была крупнейшая ошибка Ботвинника в его практике.

Таль взволнован. Ботвинник с трудом старается сохранить внешнее спокойствие. Поклонники Таля устраивают ему овацию. Но даже они в некоторой степени сочувствуют Ботвиннику. Вместо 9 : 8 счет стал 10 : 7. Как бы ни сочувствовали Ботвиннику, многие справедливо заявляют, что нельзя же в каждой партии попадать в цейтнот. Нельзя над некоторыми ходами думать по 30—40 минут, чтобы затем в несколько секунд решать исход партии. В несколько секунд можно потерять звание чемпиона мира, звание, которого шахматисты добиваются годами.

В следующей, 18-й партии Ботвинник и Таль обменялись ничейными предложениями, которые, однако, не встретили поддержки сначала у Таля, затем у Ботвинника.

Снова (конечно, в цейтноте) Ботвинник упустил выигрыш, и игра закончилась вничью.

Девятнадцатая партия завершилась победой Таля. Счет стал $11\frac{1}{2} : 7\frac{1}{2}$.

Позади март, в котором Таль выиграл три партии. Позади апрель, который так многообещающе начался для Ботвинника и удачно закончился для Таля. Начался май... Он приблизил Таля к конечной цели.

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Звезды Константиновых

На почте девушка узнала Зинаиду Михайловну и, протянув через окошко открытку, сказала ей:

— Вам письмо...

Она взяла его, мельком взглянула на рисунок солдата в каске, ползущего с противотанковой гранатой, увидела на месте для марки круглую печать, штамп «Просмотрено военной цензурой» и сразу узнала Тамарин почерк. Читать письмо она не стала, решив, что прочтет дома, со всеми вместе.

Путь ее лежал по заснеженным калининским улицам, так не похожим на те, какими они были до войны. Она никак не могла привыкнуть к черным глазницам сгоревших зданий и к грудам развалин, засыпанных снегом. Да, таким еще оставался освобожденный от вражеской оккупации Калинин в ту морозную зиму сорок четвертого года, когда она наконец получила долгожданную весточку с фронта от старшей дочери, Тамары.

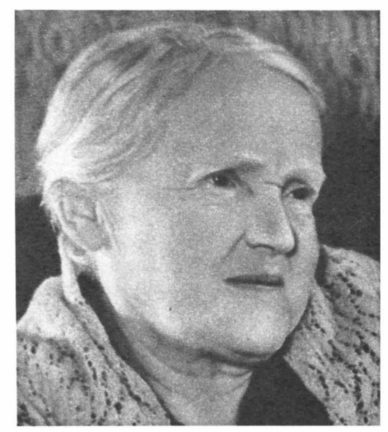
Дети обрадовались не меньше ее. Маленькая Верочка заплясала: «От мамы!» Пятнадцатилетняя Августа, младшая дочь Зинаиды Михайловны, взяла открытку.

— Давайте читать!

Письмецо было всего в несколько строчек, строгое, лаконичное, как и все Тамарины письма: «Здравствуйте, мама, Гутя и Вера! Что же вы до сих пор молчите и какой ваш точный адрес? Я послала вам 500 рублей на почтамт. Получили ли?..»

— Волнуется, бедняжка,— сказала после минутного раздумья Зинаида Михайловна.— А мы тоже волнуемся за нее... И за Володю. Что-то давно от него ничего нет...

Мать еще раз просмотрела письмо. Тамара написала его тринадцатого января, а штамп полевой почты только от восемнадцатого. Видимо, недосуг было отправить. И ничего не пишет о себе.

Зинаида Михайловна, мать двух Героев Советского Союза.

Матери остается лишь гадать о том, как идет Тамарина жизнь на фронте. Лишь случайно узнала мать от повстречавшегося однажды земляка, приехавшего на побывку, что Тамара — летчик, летает на каком-то тяжелом самолете. Обратный адрес на конверте гласил: «Полевая почта 91987, Тамаре Константиновой».

Не больше знала она и о сыне Владимире. И его письма были скупыми: ни слова о своей фронтовой жизни, лишь расспросы о том, как живет мать с Гутей и Верой, и сообщения о денежных переводах. Мать с грустью смотрела на номер полевой почты Владимира и думала: далеко ли воюют друг от друга брат и сестра, не встречаются ли их самолеты в воздухе, чтобы помочь друг другу?..

Владимир вступил в бой в самом начале войны, сразу после авиационного училища, откуда он вышел штурманом.

Тамара проводила на

СЫН СМЕНИЛ ОТЦА

Плотно охватывает голову летный шлем, переплелись на плечах лямки парашюта. Мужественное, волевое лицо, сбежавшиеся к переносью брови. Летчик зорко вглядывается в синеву неба.

На обороте фотографии подпись: «1941 год. Отечественная война, Иван Полбин».

Другой снимок: такие же упрямо сжатые губы, сбежавшиеся к переносью брови. Только лицо моложе да вместо парашютных лямок ремни катапульты. Подпись: «Виктор Полбин, 1960 год».

Виктор Иванович Полбин. 1960 год.

фронт своего мужа-летчика, а сама осталась в Калинине с матерью, Верой и Августой.

Между прочим, до войны она увлекалась летным спортом, окончила Калининский аэроклуб. Летала хорошо, стала инструктором.

Спустя два года пришла печальная весть: в бою под Ленинградом погиб ее муж. Тамара не могла оставаться дома, она поехала туда, где была могила мужа. Домой уже не вернулась. Зинаида Михайловна получила лишь коротенькое письмо: «Мама, не жди меня. Я добровольно ухожу на фронт, чтобы отомстить фашистам...»

Так и осталась мать с маленькой Верочкой и подростком Августой. Но Зинаида Михайловна привыкла к жизни суровой, трудовой. Рано потеряв мужа, она приняла на себя всю тяжесть воспитания детей. Работала

— Здравствуйте, дети...— едва смогла она произнести.

Сразу две Золотые Звезды! Как солнечный свет, залили они скромные материнские комнаты. И она поняла, о чем умолчали дочь и сын в своих письмах.

Владимир стал Героем Советского Союза в сорок четвертом году, Тамара — годом позднее. Но здесь, у матери в Калинине, брат и сестра встретились за всю войну впервые: их фронтовые дороги ни разу не скрестились. Владимир воевал на юге, Тамара — на севере.

Ночной бомбардировщик Владимира Константинова летал над Харьковом и Сталинградом, над Ростовом и Донбассом. Это был неказистый на вид самолет «ПО-2», легендарный «кукурузник», который так неожиданно появлялся именно там, где противник его меньше всего ожидал.

в разные стороны. Зинаида Михайловна живет одна в родном Калинине. Но почтальон хорошо знает адрес на улице Бакунина, он приносит сюда письма и телеграммы.

Владимир продолжает служить в армии. Он теперь подполковник, и на мундире у него ромбовидный значок об окончании Военно-воздушной академии.

Зинаида Михайловна показывает мне одно из последних писем сына. Теплые, полные внимания к старой матери строки. И скупо, всего несколько слов о себе: «Работы очень много. Устаю. А в выходной день — на рыбалку. Оттуда возвращаемся только вечером и тоже усталые».

Из Воронежа приходят письма от Тамары. Здесь живет она со своей семьей. В Воронеже окончила Высшую партийную школу. Бы-

Брат и сестра Герои Советского Союза Тамара и Владимир Константиновы во время встречи в Калинине в 1945 году, после окончания войны.

Эту семейную фотографию Тамара Федоровна подарила матери в 1959 году

учительницей в школе, но уже давно, еще до войны, вынуждена была перейти на пенсию из-за тяжелого недуга. Воспитывала она детей в строгости, в труде и в беспредельной преданности Родине. Но разве могла бы больная женщина одна, без посторонней помощи, поднять троих детей? Эту помощь она чувствовала везде и во всем. Но когда однажды, чтобы облегчить ее заботы, матери предложили отдать Володю в детский дом, она наотрез отказалась...

От одного письма с фронта до другого протекала жизнь Зинаиды Михайловны. И наконец наступил долгожданный день великой победы.

Тамара и Владимир Константиновы вернулись в Калинин, к матери.

— Здравствуй, мама!

Она увидела на их офицерских гимнастерках боевые ордена и Золотые Звезды Героев Советского Союза.

На этой машине Владимир Константинов сделал за годы войны более семисот вылетов, из них более трехсот во время боев за Сталинград.

Тамара завоевала Золотую Звезду Героя Советского Союза, летая на грозном штурмовике «ИЛ-2», тяжелой, как говорится, чисто мужской машине.

Вероятно, Тамара Константинова была единственной женщиной-летчицей, бесстрашно бросавшей свой «ИЛ-2» на артиллерийские батареи противника, прокладывая путь нашим наземным войскам. Слава о смелой летчице гремела по всему фронту. Часто появлялось имя Тамары Константиновой в донесениях командования. Ей поручали самые ответственные задания.

...С того радостного дня, когда брат и сестра вернулись к матери, прошло уже немало лет.

И опять дети разлетелись

ла избрана председателем завкома, а теперь работает заместителем заведующего областным отделом социального обеспечения.

— Семья у нас разрослась,— рассказывает Зинаида Михайловна.— Я богатая: у меня восемь внучат и одна правнучка. Да, да, Верочка уже стала матерью. Она тоже живет в Воронеже, учится в университете. Муж ее — аспирант.

— А где же Августа?

— Она окончила Тимирязевскую академию, стала агрономом и работает под Калинином.

Зинаида Михайловна не чувствует себя одинокой в родном городе. Ее, давшую Родине двух Героев Советского Союза, не забывают. Ее приглашают на трибуну в дни праздничных демонстраций, на торжественные заседания. И она испытывает сладкое чувство материнской гордости за своих детей.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Между этими снимками — около двух десятилетий, годы бессмертия одного и начала жизни другого.

В грохочущий залпами, дымный 1941 год ушел из дому герой Халхин-Гола полковник авиации Иван Семенович Полбин. Обнял восьмилетнего сына: «До встречи, летчик!»

Многочисленные ордена. Золотая Звезда Героя украсила грудь отца в годы Великой Отечественной войны. В огне сражений мысленно виделся ему сын, идущий в строю ведомых.

Морозным февральским днем 1945 года близ Бреслау совершил свой последний боевой вылет генерал-майор Иван Полбин. Посмертно был он удостоен второй Золотой Звезды.

А через десять лет после его гибели в небо поднялся сын, Виктор Полбин.

Сначала суворовское, потом офицерское авиационное училище, кабина реактивного истребителя... И вот путь Полбина-отца в небесных просторах продолжает сын.

Застегнут шлемофон, взята на себя ручка управления, стремительно набирает высоту реактивный истребитель. Ведет его старший лейтенант Виктор Полбин. Он уже четвертый год в строю.

Скоро поднимется в небо и самая младшая Полбина, Галина, сестра Виктора, студентка Московского авиационного института. Ею уже сдан зачет по парашютному спорту.

Н. ГАЛИМОН

Иван Семенович Полбин. 1941 год.

1945 год. Генерал В. К. Зайончковский и Аленка Томешова.

1959 год. В. К. Зайончковский и Аленка Влчекова.

Две встречи в Находе

Одна из этих фотографий сделана в последний день Великой Отечественной войны. Вторая получена недавно из Чехословакии. Любопытна история снимков.

...В первых числах мая 1945 года наша 291-я Гатчинская краснознаменная ордена Кутузова дивизия вышла к подножию красивейших гор Чехословакии — Крконоше.

Мир!

Все помнят, как слилось тогда ликование победы с яркой и погожей весной!

Мы считали войну законченной. Но наш командир генерал В. К. Зайончковский вызвал к себе офицеров и поставил перед дивизией боевую задачу. Несколько эсэсовских частей, которыми командовал фашист Шернер, не капитулировали и пытались пробиться на запад. Отступая, гитлеровцы хотели организовать оборону в небольшом чехословацком городе Наход. Рабочие Находа подняли восстание.

Отвага советских воинов помогла спасти Наход от участи Лидице. Гитлеровские части были разгромлены, немало эсэсовцев взято в плен.

Торжественно, с воинскими почестями весь Наход хоронил павших в боях солдат и повстанцев. На зданиях реяли флаги, трехцветные чехословацкие и наши — красные с серпом и молотом.

На центральной площади города состоялся многотысячный митинг. Повсюду были цветы, музыка, счастливые лица. Особенно нарядно выглядели дети в живописных национальных костюмах.

...Отзвучала взволнованная речь председателя Революционного народного выбора Карела Строуги — недавнего узника концлагеря. Ответное слово держал генерал В. К. Зайончковский.

Стоя неподалеку от него в толпе, я заметил девочку лет шести, с большим букетом цветов. Она энергично, но не очень успешно пыталась пробраться вперед. Я поднял ее на руки.

— Как тебя зовут?

— Аленка Томешова.

— Куда ты идешь?

— Несу цветы соудругу генералу...

Как тут не помочь! Подняв Аленку на руки, я подошел к командиру дивизии.

— Мы очень рады, что вы к нам пришли,— расцеловавшись с генералом, громко сказала девочка.

...С той поры прошло полтора десятка лет...

Недавно я навестил нашего генерала в Ленинграде. После многих тяжелых ранений, полученных на войне, он ушел с действительной службы. В. К. Зайончковский — почетный гражданин Находа — вернулся из Чехословакии, где в течение месяца пробыл «гостем народа». С волнением рассказал он о братском, сердечном приеме, о встречах со старыми друзьями.

Я напомнил Василию Казимировичу об Аленке Томешовой.

И тогда генерал, улыбнувшись, положил на стол новую фотографию. Только теперь Аленка, оказывается, уже не Томешова, а Влчекова: за день до приезда В. К. Зайончковского в Наход она вышла замуж.

Встречая «соудруга генерала», она, как и пятнадцать лет назад, надела нарядный национальный костюм.

По старому славянскому обычаю, Василий Казимирович трижды прижал девушку к сердцу и так же, как при первой встрече, поднял на руки. И на этот раз фотографу удалось сделать снимок!

— Сейчас на предприятиях Находа, в кооперативных сельских хозяйствах района,—рассказывает В. К. Зайончковский, — развернулось соревнование. Победители соревнования, шестьдесят человек, в конце мая — начале июня поедут в СССР, в Москву, в Ленинград, в гости к советским друзьям.

Г. КОФМАН

Писатели и книги

ДОЛГ ЧЕСТИ И ПАМЯТИ

Новый роман Константина Симонова «Живые и мертвые», опубликованный в журнале «Знамя» за 1959 год, — вторая после «Товарищей по оружию» книга задуманного писателем большого «военного цикла». Эта книга не является непосредственно продолжением романа «Товарищи по оружию», но связана с ним и общей военной темой и литературными героями: основные персонажи первой книги появляются вновь и во втором романе.

Первое, что хочется сказать о новом произведении К. Симонова: э т а к н и г а н е м о г л а б ы т ь н е н а п и с а н а. В большом потоке литературы встречаются — что греха таить! — произведения, которые могут не только остаться непрочитанными, но которые легко себе представить ненапечатанными, ненаписанными даже; они рождены лишь профессиональной привычкой литератора писать. Нет, книга Симонова не будничная работа писателя. Она у него в сердце, в крови, в мозгу, она росла вместе с ним, о ней думалось ему все время, она часть его биографии, его писательской доли. Такая книга заслуживает уважения, хотя бы мы и находили в ней недостатки.

«Живые и мертвые» — книга, которую нельзя читать без волнения. И не только потому, что в ней мы видим правдивое изображение войны в самый трудный, самый страшный ее период, хотя иные страницы врезаются в память с большой силой: нельзя забыть потрясающую картину истребления в воздухе «мессершмиттами» наших бомбардировщиков, оставшихся без прикрытия, картину, которая заставляет плакать солдат, видящих это с земли; впервые в литературе дана Москва в знаменательный день 16 октября 1941 года; с огромным чувством показан выход из окружения остатков дивизии Серпилина — великая радость встречи со своими; исторический парад войск 7 ноября 1941 года на Красной площади, данный с точки зрения участников его, солдат и офицеров, изображен необычайно просто и человечно...

Можно много еще указать прекрасных и сильных страниц в книге, но не только героические и трагические картины войны волнуют нас: с горячим интересом мы следуем за ведущей мыслью автора, который стремится осмыслить этот первый период войны, ответить на многие вопросы, волновавшие тогда всех нас и на которые еще до сих пор и военная история и литература о войне не ответили исчерпывающим образом. Замечательно то, что писатель, отвечая по-своему на эти вопросы, ответил на самое главное: почему захваченные врасплох, отступая, отдав города и села, мы все же отстояли и Москву и всю страну, защитили свободу и независимость нашей Родины и одержали величайшую в мире победу. Он показал разные судьбы советских людей, военных и штатских, попавших в водоворот войны, погибших и оставшихся в живых, и за всем этим, и во всем этом, и над всем этим — единую волю народа и партии, волю, которой держались и армия, и тыл, и командование, и рядовые труженики войны.

История журналиста Синцова, одного из героев «Товарищей по оружию», ставшего теперь основным действующим лицом в новой книге Симонова, — самое яркое свидетельство этого внутреннего единства Советского государства, советского общества. С первых дней войны Синцов испытывает на себе, кажется, все горести и тяготы войны: разлуку с женой, потерю ребенка, потерю своей воинской части, голод и холод, видения разгрома и хаоса, случайной гибели людей, ранение, угрозу плена и, наконец, потерю своих документов... Но вот, забыв о личной своей судьбе, он в грозный день 16 октября принимает участие в сражении за Москву, отражая натиск противника на каком-то кусочке фронта, потом становится просто рядовым солдатом в дивизии, идущей в наступление, и выходит из всех этих испытаний с сознанием, что его место в жизни — в рядах армии, и его единственно сейчас нужное дело — воевать за Родину, и что он заслужил это право.

Иной дорогой, тоже трудной и горькой, приходит к тому же и другой герой романа, командир дивизии Серпилин, прибывший на фронт прямо с Колымы, клеветнически обвиненный когда-то и реабилитированный в первые дни войны; это военный новой, советской формации, человек талантливый и благородный. Попав на фронт, он весь отдается великому делу обороны своей страны, не помня лиха, не думая о личных обидах, о несправедливости, учиненной над ним.

И это лишь два наиболее ярких примера слияния судьбы отдельного человека с судьбой народа, с судьбой страны.

Книга Симонова названа романом, и, конечно, это роман по объему, по широте охвата материала, по значительности темы, по многочисленности персонажей, по широкой разветвленности судеб героев. Но «Живые и мертвые», как все, что делает Константин Симонов в литературе, — роман глубоко современный, к нему не применимы жанровые рамки классической литературы, и не хочется судить о нем по старинным канонам.

Каковы же особенности этого романа? Огромное даже для такой крупной формы количество действующих лиц — и, в сущности, отсутствие героев, в обычном понимании слова; обилие событий в течение одного дня, а иногда целые недели только подразумеваются. Почти нет никаких других отношений, кроме военных (кстати, отношения Синцова и Маши и вообще линия Маши — самое слабое в книге). Обилие рассуждений, вопросов, которые прямо задают себе и действующие лица и сам автор; публицистические отступления, сухие, почти документальные описания военных действий; чрезвычайно важные диалоги — разговоры, которые угасают без продолжения в дальнейших частях. Предельно простой язык — никаких красок, никакой живописи, никакой звукописи, почти нет пейзажа. Никакой лирики: ни воспоминаний, ни трогательных писем, ни даже снов. Почти нет пауз: ритмической передышки, перемены скорости движения, атмосферы обстановки, что считается характерным для романа.

Иные из этих особенностей симоновского романа могут, на взгляд педанта в критике, показаться недостатками. Однако это не так. В этой оголенности и простоте симоновской прозы ее сила. Не раз и не два в романе встречаются места, которые полны соблазна для «эффентов» развязывания тех или иных сюжетных узлов; вот-вот найдут друг друга потерявшиеся, вот-вот разъяснится тяжелое положение героя; но автор не стремится использовать эти «литературные» возможности: танк с сидящим внутри человеком — единственным, кто может объяснить пропажу документов Синцова,— проходит мимо, и мимо проезжает Серпилин, у которого Синцов был в дивизии; и не происходит ни трогательных встреч, ни благополучного распутывания сюжета. А там, где это все же происходит, например, в «чудесной встрече» Синцова с Машей, читатель, право, чувствует неловкость, словно его вдруг окунули в «литературщину».

Новая книга Симонова невольно заставляет задуматься о том, что литература наша, несомненно, ищет новых форм, что старые рамки жанров часто становятся тесны писателю и что для изображения новой, небывалой действительности необходимы и новые средства выражения. Невольно хочется мне сопоставить три почти одновременно прочитанные мною книги о начальном периоде войны: «На западном направлении» маршала Еременко, «В тяжкую пору» генерал-лейтенанта Попеля, «Живые и мертвые» писателя Симонова. Они говорят об одном и том же — о первых боях с фашистской армией. Но первая книга — военно-исторический документ, вторая — документ политический и человеческий, третья — произведение писателя, художественная проза. Можно говорить о недостатках, о незавершенности, о неравноценности отдельных кусков этой прозы, но нельзя не признать ее своеобразной силы.

Война дала такой поистине громадный материал, освоить который не под силу одному нашему поколению. Но «Живые и мертвые» К. Симонова — правдивое и сильное произведение, которое отдает долг чести и памяти и живым и мертвым.

Вера СМИРНОВА

Константин Симонов. Живые и мертвые. Роман. «Знамя», 1959, №№ 4, 10, 11, 12.

НАРОД ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Выход в свет нового романа Анны Зегерс «Решение» — большое событие в литературе Германской Демократической Республики. Написанная по следам недавних событий, книга отражает важнейший период жизни немецкого народа: создание и становление первого германского рабоче-крестьянского государства. Время, когда круто ломаются социальные и человеческие отношения, когда происходит суровая переоценка привычных взглядов и представлений, трудно укладывается в рамки литературного произведения. Оно требует от писателя предельной зоркости, умения правильно разобраться в происходящем, ни на минуту не теряя из вида перспектив исторического развития. Анна Зегерс блестяще справилась с этими трудностями, создав правдивое, проникнутое горячим дыханием современности произведение.

Герои романа на разных исторических этапах, в различных условиях и обстоятельствах сталкиваются с необходимостью дать ответ на главный вопрос современности: ты за мир и жизнь или за войну и смерть?

Анна Зегерс.

После разгрома фашизма немецкий народ должен был решить: каким путем идти дальше, что выбрать — капитализм или социализм?

Писательница показывает коренные различия в жизни и целях двух немецких государств. Граница между двумя мирами проходит не только по немецкой земле, она разделяет сердца людей, становится иногда неодолимым препятствием между родными и близкими. Инженер Ридль, уехавший из Западной Германии, оставил там свою жену, которая не смогла порвать паутину нелепых предубеждений и последовать за ним. Как чужие люди встречаются в Западной Германии сестра и брат Шнейдер: воспитанная в условиях Германской Демократической Республики, Лизель Шнейдер не может понять стяжательских, частнособственнических стремлений брата.

Центром, где сплетаются главные сюжетные линии романа, является крупный металлургический завод ГДР, принадлежавший когда-то концерну Бентгейма. Писательница знакомит нас с мужественными и сильными людьми, созидающими новую, социалистическую родину. Коммунист Рихард Хаген, бывший боец Интернациональной бригады в Испании рабочий Роберт Лозе, учитель Вальдштейн, инженер Ридль и их соратники — вот подлинные герои сегодняшней Германии.

«Не знаю,— сказала однажды Анна Зегерс,— что может быть более благодарным для писателя, чем возможность писать о том, что мы называем изменениями в сознании людей. Я думаю, нет более прекрасной, более великолепной темы».

Роман А. Зегерс не только раскрывает изменения, происходящие в сознании его героев, он помогает читателю понять правду жизни, принять в нужный момент верное решение, определить свое место в рядах борцов за мир и социализм.

В. СТЕЖЕНСКИЙ

Анна Зегерс. Решение. Роман. «Иностранная литература», 1960. №№ 1—4.

Человеческий документ

Военные мемуары Ф. И. Голикова не сухая хроника событий, а интересный рассказ о гражданской войне на одном из главных фронтов — Восточном, на Урале и в Западной Сибири. Каждый эпизод — кусок жизни, частица истории в лицах.

С первых же страниц книга подкупает читателя немногословной, тепло написанной сценой приема в ряды РКП(б) отца и сына Голиковых. Автор взволнованно передает свои переживания в тот торжественный и радостный момент его жизни, когда сын трудовой семьи навеки связывает свою судьбу с партией и Советской властью. Так вели себя, думали и чувствовали многие тысячи юношей. На вопрос члена уездного комитета партии: «Почему вступаешь именно в большевистскую партию?» — Голиков-сын удивился и ответил: «А как же?.. Она за трудящийся народ борется!»

В целом ряде интересных эпизодов автор рассказывает о ходе гражданской войны: от жестоких, тяжелых боев разрозненных, неумелых и слабых отрядов молодой Красной Армии до победных сражений крупных соединений Вооруженных Сил Советского Союза. На увлекательных примерах автор показал, как в боях с врагами революции закалялась, мужала Красная Армия, какую видную роль играли коммунисты-комиссары в укреплении армии.

Самое ценное в книге — непосредственность дневников молодого красноармейца, активного участника борьбы за власть Советов. Читателю интересно знать, какими глазами смотрел на жизнь красноармеец Голиков, как понимал события, людей, как оценивал их. Так, как Голиков, думали, чувствовали многие бойцы Красной Армии.

Жаль, что при редактировании книги некоторые суждения, оценки и выводы молодого красноармейца исправлены и отшлифованы. Если четкие и глубокие оценки органичны в конце книги для прошедшего гражданскую войну инструктора политотдела соединения Красной Армии, то они несвойственны молодому, политически почти неграмотному красноармейцу в начале гражданской войны.

«Красные орлы» — полезная и нужная для воспитания нашей молодежи книга.

Иван КУЦ,
генерал-майор запаса

Ф. И. Голиков. Красные орлы (из дневников 1918—1920 гг.). Воениздат. 1959. 328 стр.

Пунктик с выкрутасами

Фельетон

Э. ПАРХОМОВСКИЙ

Рисунки Б. Жутовского.

У каждого человека должна быть своя слабость. Некоторые называют это еще «пунктиком». Один человек собирает марки, другой разбирает радиоприемники, третий обожает подледный лов. Четвертый помешан на автомобилях.

Четвертый — это я. Автомобиль — моя слабость, мой пунктик. Это, однако, не значит, что все свое свободное время я провожу за рулем или, вместо того чтобы ходить в театр, занимаюсь регулировкой карбюраторов. Я бы, конечно, с радостью делал и то и другое, но у меня нет ни руля, ни карбюратора. Короче говоря, у меня нет и самого автомобиля. В этом-то вся беда.

Несколько раз я пытался откладывать на него деньги. Но когда сумма начинала более или менее округляться, в дело очень деликатно вмешивалась моя жена. У нее тоже свой пунктик.

Я даже бросал курить. Мой приятель, большой знаток арифметики, с карандашом в руках подсчитал, что в месяц мне это даст сорок два рубля, в год — пятьсот четыре рубля, в течение десяти лет—пять тысяч сорок рублей... А если, сказал мой приятель, перестать тратить деньги на трамваи и троллейбусы, то через десять лет сэкономленная мною сумма удвоится и таким образом...

Таким образом, пять дней я ходил по городу пешком. Десять дней тоскливо вдыхал запах чужого дыма. А потом все вошло в свою колею.

И как раз тогда объявили денежно-вещевую лотерею. Как вы сами понимаете, я был подходящий объект для подобного мероприятия. «За три рубля вы можете выиграть автомобиль!» Это было великолепно. Это было, как в сказке. Это было именно то, что нужно.

Я стал приобретать билеты. Я приобретал их в трамваях и троллейбусах, на почте и в «Гастрономе», в аптеке и цветочном киоске... Накануне публикации таблицы я не спал всю ночь. Мне не давала покоя забота о гараже.

В результате (вы будете смеяться) «Москвич» выиграл мой двоюродный дядя, который живет совсем в другом городе и ни к автомобилям, ни ко мне не питает никакой склонности.

Это была уже какая-то мистика. Мой приятель сказал, что, согласно теории вероятности, я теперь до конца своей жизни ни по одной лотерее не выиграю ни одного автомобиля. Все шансы, отпущенные на нашу фамилию прихотливой теорией вероятности, были исчерпаны. После того, как на моего родственника неожиданно свалился «Москвич», на меня мог свалиться только балкон.

Впрочем, я тоже кое-что выиграл: самопишущую ручку, парфюмерный набор, пару коньков с ботинками и одеяло.

И вот тут-то я и услышал примечательную историю о выигрышных билетах.

Гражданин Брестовицкий имел точно такой же пунктик, как и у меня. Мы даже могли бы вывести наши пунктики на прогулку и сравнить, у кого лучший. Кроме пунктика, он имел деньги и не имел желания это афишировать. Бывают же такие скромные люди. Брестовицкий не ставил перед собой в жизни честолюбивых целей. Должность заведующего складом артели «Коопобувь» в городе Черновцы казалась ему вполне подходящей. Не хватало только автомобиля. Но как, скажите, как незаметному кладовщику так же незаметно приобрести автомобиль? Просто купить? Неудобно перед прокурором... На такую зарплату... Оформить покупку договором дарения? Засмеют. Ну, какой дурак станет ни с того ни с сего дарить вам самый настоящий автомобиль! Гражданин Брестовицкий долго ломал свою светлую голову. Наконец пришла на ум та же мысль, что и мне: если в лотерее разыгрываются автомобили, должен же их кто-нибудь выигрывать...

Но черновицкий кладовщик решил действовать наверняка. Игра в кошки-мышки с финансовыми органами его явно не устраивала. «Зачем мне эта лотерея? — рассудил он.— Зачем мне эти страсти-мордасти, надежды и разочарования? Зачем мне парфюмерные наборы, коньки с ботинками, самопишущие ручки и даже пианино «Украина»? Разве я пианист? Мне нужен автомобиль, и я выиграю его раз и навсегда! Я буду ехать по улицам родного города Черновцы, и прохожие будут показывать на меня пальцами: «Смотрите, это наш Брестовицкий... Тот самый... Знаете, не родись богатым, а родись счастливым... Приобрел всего лишь один лотерейный билет, и надо же такое!»

Когда в газете была напечатана таблица, по городу среди верных людей прополз слушок: «Брестовицкий интересуется «Москвичом»... Готов переплатить...»

Встреча с продавцом счастливого билета, который вежливо отрекомендовался Николаем Полищуком, состоялась в магазине спорттоваров. В результате переговоров, проходивших в духе полного взаимопонимания, высокие договаривающиеся стороны сторговались. Ударили по рукам. Сходили в местную сберкассу. Краснея от счастья, показали выигрышный билет. Контролер внимательно его изучил, поздравил счастливца и принял билет для отправки в Киев. Полищук пожимал руку Брестовицкому. Брестовицкий пожимал руку Полищуку. Жаль только, что в этот момент их не запечатлели на пленку. Это могло бы оказать неоценимую помощь милиции.

Пока Брестовицкий в кругу друзей строил планы автомобильных путешествий, его контрагент приближался к городу Станиславу, лотерейный билет — к Киеву, а дело — к развязке.

Киевские контролеры оказались более проницательными, и спустя некоторое время жители Черновцов уже показывали приезжим на одинокого пешехода: «Смотрите, это наш Брестовицкий. Тот самый... Жертва лотереи... Приобрел всего лишь один выигрышный билет, да и тот оказался насквозь фальшивым!»

А Николай Полищук тем временем обрабатывал новую жертву. На сей раз в его сети попался преподаватель Станиславской музыкальной школы, он же зубной техник Филипп Давыдович Зон. У этого автолюбителя интуиция оказалась несколько острее, чем у Брестовицкого. В самый ответственный момент, когда на лицах продавца и покупателя цвели финальные улыбки, Филипп Давыдович забеспокоился.

— А документы у вас есть? — бдительно спросил он.

Продавец лотерейного счастья даже обиделся:

— Ай-ай-ай, гражданин Зон! Никогда бы не подумал, что вы такой законник... При чем тут мои документы? Вы что, за меня замуж собираетесь? Нельзя же так недоверчиво относиться к советским людям!

— А я доверяю и проверяю,— упрямился Зон.— Покажите мне документы.

Делать было нечего. Гражданин Полищук полез в карман и достал оттуда паспорт и военный билет на имя Александра Георгиевича Микульского. Это имя он получил двадцать пять лет назад от собственного папы, очень дорожил им и потому пользовался лишь в самых безвыходных случаях. Несмотря на столь деликатное употребление, это имя уже было украшено тремя судимостями. Четвертая вырисовывалась в недалеком будущем.

Документы произвели на Зона самое отрадное впечатление. Тем более, что в глубине души он ни за что не хотел, чтобы продавец оказался жуликом, а покупка автомобиля — несбывшейся мечтой. Зон заулыбался.

Тучи, сгустившиеся было над аферистом, растаяли.

Сдавая билет в местную сберкассу, гражданин Зон попросил указать, чтобы «Москвич» прислали обязательно голубой. «Этот цвет очень идет моей жене»,— доверительно сообщил он Микульскому.

Чтобы не утомлять вас дальнейшими подробностями из жизни жулика, сообщу сразу: он продал еще один фальшивый билет и попался работникам ОБХСС. В непринужденной беседе со следователем он сказал: «Я был уверен, что найду сбыт моим билетам. Желающих «на тихую» приобрести автомобиль пока хватает... Жулье...»

Прослушав эту поучительную историю, я пришел к выводу: если ты собираешь марки, никогда не старайся выдать Гвиану за Гвинею. Если разбираешь радиоприемники, никогда не предлагай свои услуги знакомым. Если увлекаешься подледным ловом, никогда не выдумывай, что ты выловил в проруби кита. А если получаешь скромную зарплату и не имеешь других законных поступлений, никогда не старайся убедить общественность, а заодно и прокурора, что ты приобрел автомобиль, дачу или моторную яхту честным путем.

А что касается меня, то поскольку я еще не стал ни героем-шахтером, ни писателем-драматургом, ни изобретателем, ни передовиком колхозных полей, ни доктором таких-то наук, я уже третий день не курю, хожу на работу пешком и продолжаю регулярно покупать лотерейные билеты. Черт с ней, с теорией вероятности! Пунктик есть пунктик, ничего не поделаешь! Лишь бы без выкрутасов.

Киев.

ТЫСЯЧА ДОБРЫХ СОВЕТОВ

Читатели отвечают Жене «N»

Письма, письма, письма... За полтора месяца, которые прошли со дня опубликования письма Жени N (см. «Огонек» № 12 за 1960 год), их поступило в редакцию более тысячи. Тысячи рук, протянутых Жене! И каждая из них готова поддержать человека, оказавшегося на распутье!

В этих письмах и добрые советы, и справедливые осуждения, и беспокойство за судьбу Жени. Читая их, невольно представляешь себе самих людей, таких разных и по возрасту и по работе...

...Занятая по горло ровесница Жени — товарищ по ее «несчастью». Она, так же как и Женя, поступала и не поступила в институт. Но перед ней не встал вопрос, «что делать». Она быстро нашла дело для своих рук на заводе и учится в вечернем институте.

...Автомеханик из далекого Томска. Он писал письмо наспех, в поезде, возвращаясь, видимо, из командировки. Несколько лет назад сам окончил десятилетку.

...Молодая мать. Ей тоже очень некогда: с новорожденным много хлопот. Но разве можно согласиться с Женей, которая в замужестве видит только «спокойную» жизнь?..

...Слесарь-сборщик, который работает на заводе в Ижевске, учится в десятом классе и мечтает о вузе.

...Доярки и свинарки из села Б. Поляны, Тербунского района, Липецкой области,— вчерашние десятиклассницы. Они не рвутся в город. Им интересно жить в своем селе.

...Старая учительница из города Сумы, которая в свои двадцать, как сейчас Жене, лет уже учительствовала в глухой деревне. Была маленькая, душная хатка, которая именовалась школой, была коптилка-каганец и новые книги за семь верст от деревни, за которыми приходилось ходить пешком.

...Шахтер, ушедший на пенсию, и молодой шахтер из Луганской области, с шахты Новодружеской,— оба любят свой нелегкий труд.

...Художница из Москвы советует прежде всего найти свое настоящее призвание.

...Главврач из больницы в Геническе, от проницательных глаз которой Жене так и не удалось скрыть между строк свою «постыдную» работу в санатории. «Никакими лекарствами не поднять больного без хорошей санитарки,— пишет она Жене.— Ты, видимо, не по призванию шла в медицинский».

...Сельский почтальон из ярославского совхоза, вечно с сумкой на боку, вечно торопящаяся. «Я тоже окончила десять классов, но работу свою люблю. Меня всегда ждут. А ты, Женя, просто-напросто зазналась. Будничный труд тебя не устраивает».

Сегодня мы печатаем несколько писем. Прочти их повнимательнее, Женя. Может быть, в них ты найдешь ответ на свой вопрос.

Прежде всего: что вы хотите?

К жизни приспосабливаться не надо. Жизнь нужно делать!

Если завод,— приезжайте к нам. На выбор: токарь, фрезеровщица, слесарь — что угодно. Сперва, конечно, учиться. Только завод пока не для вас. Вы еще не знаете, что хотите. В этом вина родителей. Слепая любовь не бывает требовательной.

Забудьте, что «Женя «таланта» полна». Пока вы ничего не умеете и мало что знаете.

Выберите твердую дорогу. Не мечитесь. Музыка, завод, фармацевтический техникум, мединститут. Зачем? Тренировались «с ожесточением» потому, что спортсменов легче принимают в институт. В какой? В любой? Вам все равно.

Не думайте, что стаж — неизбежное зло. Совсем не так. Трудовой стаж — это выбор профессии, выбор твердой дороги. Может, не надо в институт? Если все равно в какой, то не ходите. Это ошибка. На заводе немало инженеров по дипломам, а не по призванию. Не увеличивайте количество такого балласта.

Напрасно боитесь замужества. Для девушки в двадцать лет — не рано. Ничему не помешает. Главный механик нашего завода пишет дипломную работу, учится он в заочном техникуме. Это в возрасте за тридцать и при двух детях! Этот техник стоит десятка инженеров, которых я называю балластом.

Не надейтесь на готовое. Стройте жизнь там, где живете. А самое главное, воспитывайте волю. У вас ее нет. Прежде всего: что вы хотите? Ответьте мужественно. Без расчета на легкую жизнь и легкие победы. Выберите дорогу. Чем она труднее, тем лучше. После этого учеба и труд, труд и учеба, и так долгие годы. Только в этом случае вы не будете пустоцветом.

Н. ВОЛЫНЧИКОВ,
инженер

Лебедянь, Липецкой области, Кузнецкая слобода, 86.

Скучать некогда

Я никогда не писала в журнал или газету, но так как письмо Жени близко, очень близко касается моей жизни, я хочу рассказать о себе.

Мне 19 лет, окончила среднюю школу три года тому назад. Я помню, как еще в 5-м классе, когда скоропостижно умерла моя любимая учительница, я твердо, раз и навсегда, решила стать хирургом. Позже увлекалась медицинской литературой, книгами о врачах. Когда я получила аттестат, мне не нужно было выбирать вуз, я знала, что буду счастлива, если только стану доктором.

Неудачи — дважды — постигли и меня при поступлении в Киевский медицинский институт. Против желания мамы я стала работать санитаркой в Институте нейрохирургии. Подруги удивлялись и смеялись надо мной. Но это меня не смущало. Ведь это почетный труд, я приношу облегчение больным! В 1958 году окончила годичные курсы медсестер, меня назначили медсестрой детского отделения Института нейрохирургии. Я бесконечно люблю свою работу, свой коллектив. Очень многому научилась, имею большую практику по специальности. Я не скучаю и от всей души пишу, Женя: честное слово, я не жалею, что сразу же после десятилетки не поступила в институт!

Моя заветная мечта должна все же осуществиться. Сейчас на работе я изучаю английский язык, готовлюсь к экзаменам в институт, работаю, участвую в общественной жизни.

Твердо знаю, что в институте я буду, верю в это! А кому же быть там? Училась я хорошо, работаю по специальности, дело свое люблю, а самое главное — я хочу быть хирургом и обязательно буду. Буду!

Некогда, Женечка, скучать. Единственное, что плохо,— это то, что в медицинский институт иногда принимают производственников и не по специальности. Ведь не от всей души любит человек свою будущую специальность, если колеблется, если поступает в вуз по принципу «куда легче попасть».

Лиля КОРПАН

г. Киев. Институт нейрохирургии, детское отделение.

А. Иловайский:

«Дело не в том, какую работу человек выполняет. Важно другое: как ты ее выполняешь».

Н. Волынчиков:

«К жизни приспосабливаться не надо. Жизнь нужно делать!»

В. Блохин:

«Всякий труд возвышает человека, если он трудится добросовестно».

ЖДЕМ В КУСТАНАЕ!

Мы внимательно прочли и обсудили твое письмо, Женя. Мы тебя понимаем. Понравился нам твой боевой, энергичный характер. Ты и сама не любишь прозябать и другим не даешь. Вокруг, правильно ты говоришь, народ строит свое будущее, и хотелось бы, чтобы и ты приняла участие в этой стройке.

Мы все коллективом решили: «Вот было бы хорошо, если б ты, Женя, приехала в Кустанай». Просим со всей чистой душой: приезжай к нам.

Мы живем очень интересно. Работаем на строительстве. Живем в общежитии. В Кустанае есть пединститут, строительный техникум, музыкальное училище. Поступить учиться можно. Среди наших девушек многие учатся в пединституте. На стройке тоже очень хорошо. Работается весело, ходим в кружок художественной самодеятельности. Занимаемся там, поем, играем. А вот наступит весна, будем играть в волейбол. И как бы хотелось, чтоб и ты среди нас жила, училась, веселилась! Приезжай, Женя, на бывшую целину. Здесь работы непочатый край. Здесь осуществятся твои заветные мечты!

Крепко тебя обнимаем.

От имени коллектива девушек из общежития № 4 треста «Кустанайстрой»

Тамара БОРОВИКОВА

г. Кустанай.

МЫ ЖИВЕМ В НОВО-МЛЫНКЕ...

Сегодня я получила «Огонек», в котором прочитала письмо Жени, и вот, уже лежа в постели, задумалась. Пришло в голову много мыслей. Решила встать и написать тебе, Женя, несмотря на то, что уже за полночь...

Как могло случиться, что ты, девушка, полная сил, комсомолка, не знаешь, что делать в наше время, когда жизнь интересна даже в самом глухом селе, в таком хотя бы, как наше?

Кончила я библиотечный техникум в городе Обояни, Курской области, в 1959 году и поехала работать в Брянскую область. Повстречалась с девушкой Алей, которая кончила культпросветшколу. Мы захотели жить в одном селе, самом отдаленном и где хуже всего налажена работа. Стародубский отдел культуры удовлетворил нашу просьбу. Решили силы свои попробовать. И вот мы в селе Ново-Млынка. А ведь я никогда, Женя, не была в большом городе и очень многого не видела. И в селе еще более худшем жила. А как хочется в свои 20 лет не только все узнать, не только увидеть, потрогать своими руками, но и самой влиться в бурлящую жизнь!

Сначала я думала, что быстро смогу все перевернуть и переделать, что сразу в клубе наведу порядок. Увы! Получалось совсем не так. Иногда я думала: может быть, я не умею? Но меня успокаивали: «Подождите, наберитесь терпения». И вот мы устроили новогодний маскарад, вдвоем с Алей убрали зал, как, бывало, в техникуме, помогли сшить маскарадные костюмы, организовали игры. «Спасибо, девочки, молодцы»,— говорили нам. И это было для нас счастьем.

Вскоре меня избрали секретарем комитета ВЛКСМ. Здесь еще не все ладится у меня. Трудно сразу приучить ребят регулярно посещать собрания, платить вовремя членские взносы, выполнять комсомольские поручения. Вот как было у нас с третьей бригадой. Подошло 10-е число, а членские взносы никто не везет. Бригада от нашего села в пяти километрах. Что же, иду вечером туда сама и одна. Там комсомольцы — одни ребята. Пожурила их: «Ведь не мне же это надо, а вот я пришла к вам! Могла бы заплатить свои деньги, вернули бы вы мне, но не в этом дело».

«Мелочь»,— скажешь ты, Женя, но с этого все и начинается. И мне радостно, когда в следующий раз все было в порядке. Вот в этом я и нахожу свое счастье.

Самая трудная и самая хорошая работа — это с людьми! Сделала я очень мало, но верю, что буду делать много, пока сил хватит. Можно было бы уехать из Ново-Млынки. Но мы с Алей и не собираемся.

С комсомольским приветом

Светлана ФЕДОСЕЕВА

Город Стародуб, почтовое отделение Ново-Млынка.

ПОСТОЯНСТВО— ЭТО ТОЖЕ ТАЛАНТ

Письмо Жени прозвучало для меня как сигнал бедствия, и мне очень захотелось откликнуться на него. Начав писать, я вспомнил недавнее прошлое из своей жизни, свои радости и неудачи, а было и того и другого немало.

Окончив в 1953 году среднюю 154-ю киевскую школу, мы с другом решили выполнить свою давнишнюю мечту — стать моряками. Полные надежд и стремлений, поехали в Ленинград, в одно из морских училищ. Прошли все комиссии, сдали экзамены. Но в тот год на избранный факультет не попали. Как мы переживали, и говорить нечего. Идти в другое учебное заведение не хотели. Решили так: будем работать, а на следующий год снова подадим заявления в это же училище. Домой не поехали, устроились на завод «Севкабель». Не забывали и о спорте. Несколько раз пришлось выступать в соревнованиях. Когда уходили с завода, грамот и премий нам, правда, не дали, но выдали справки, в которых указывалось, что производственные нормы выполнялись нами на 140—180 процентов. В общем, характеристики получили неплохие.

По комсомольскому набору нас направили в училище. И снова беда: не прошли по конкурсу. Ведь поступает тот, кто больше знает, а мы с другом, несмотря на все прочие «заслуги», не набрали нужного количества баллов. В первый момент, когда нам объявили об этом, казалось, все рухнуло: и мечты и надежды. Нет, упорство наше сломлено не было. Со справками, полученными в училище, мы могли поступить в Ленинградский инженерно-строительный институт. Но учиться без желания — значит стать горе-специалистом.

Вам сейчас, как вы пишете, скучно, неинтересно. А если бы вы окончили медицинский институт и получили диплом врача, вам стало бы интереснее? Легче? Может быть, вы действительно любите медицину? Тогда зачем вы поступали в педагогический техникум? Первый совет вам, Женя, твердо решите, какая специальность вам по душе.

Вторично не поступив в училище, мы решили пойти служить во флот, чтобы потом вновь добиваться намеченного. Некоторые знакомые смеялись над нами, говорили, что мы похожи на двух баранов, упершихся в каменную стену. Советовали поступить еще куда-нибудь. Но наша цель никогда не была так заманчива и желанна, как в те тяжелые для нас дни. И вот она осуществилась! Незадолго до призыва мы поступили все же в Ленинградское мореходное училище.

Мы курсанты! Приходилось много работать: занятия, общественные «нагрузки». Я был членом комитета ВЛКСМ училища, старшиной группы. Кроме того, вел спортивную секцию борьбы «самбо». Сначала, правда, на спортивном поприще меня постигла неудача — оказалось только три энтузиаста, но потом уже невозможно было удовлетворить все просьбы. Главное — заинтересовать людей, и не только словом, но и делом.

В 1958 году мы окончили училище. Меня наградили грамотой ЦК ВЛКСМ и направили в Латвийское государственное морское пароходство. Специальность моя—штурман, а послали работать... матросом. Вы можете сказать: «Значит, такой штурман». Но так произошло потому, что в тот момент очень нужны были матросы и не очень штурманы. Нас, согласившихся работать не по специальности, было на пароходе несколько человек, но никто, Женя, не мучился от стыда, что выполняет «такую» работу. Ведь дело не в том, КАКУЮ работу человек выполняет. Важно другое: КАК ты ее выполняешь.

Я не могу вас понять, почему вам было стыдно за свою работу в санатории. Очевидно, задели ваше самолюбие! Так ведь? Вы же сами пишете: «Я привыкла слышать, что бабушка, знакомые да и в общежитии говорили про меня: «Женя «таланта» полна». И подруги, бывало, говорили: «Как это здорово, что ты рисуешь, и пишешь, и танцуешь, и поешь, и играешь на гитаре! Одно надоест — за второе возьмешься, и весело». Сознайтесь, Женя, вы думали так: «Как могло случиться, что я, такая талантливая, и вдруг на такой работе!»

От всего сердца желая вам только хорошего, советую выработать в себе еще один талант — постоянство. Будь то в выборе профессии, спорте или браке,— этот талант необходим.

Кстати, с вашими взглядами на брак я тоже не согласен. Вы пишете: «Выйти замуж — это значит жить однообразно: работа — дом, дом — работа. А все мечты, все, к чему стремилась? Забросить? О, нет! Только не это». По-вашему, настоящая, интересная жизнь кончается тогда, когда вступаешь в брак. Конечно, если выбирать себе спутника в жизни по принципу, как вы с подругой выбирали профессию, то результаты будут плачевные: спутник долго на семейной орбите не удержится. Да и вас, если вы не в полной мере обладаете постоянством, будет тянуть на новую орбиту. А если все хорошо, серьезно, то зачем забрасывать мечты? Ведь может же Валентина Гаганова быть образцом труженицы-патриотки и вместе с тем воспитывать ребенка, иметь хорошую семью! А известные спортсмены Стенины? Они даже рекорды устанавливают «семьей». Подобных примеров много.

Сейчас я работаю по специальности. Не всегда и все идет гладко. Но я люблю тяжелый труд моряка, люблю свой коллектив и с уверенностью могу сказать: жизнь прекрасна и интересна! Вы, Женя, не разочаровались в жизни, как пишете, а просто по собственной вине еще не очаровались ею.

С наилучшими пожеланиями

А. ИЛОВАЙСКИЙ

г. Киев, Очаковская, 5, квартира 16.

Чтобы общество сказало: МОЛОДЕЦ!

Дорогая Женя! Сразу видно, что воспитали вас в мещанском духе. Хочется вам блеснуть чем-нибудь, покрасоваться перед людьми, а таланта не хватает. Жаль, что вам не удалось поступить в техникум. Уж там-то вы могли бы отличиться... хотя бы игрой в теннис. Вам, Женя, очень хочется жить в городе. И, видите ли, тянет вас не в какой-нибудь маленький городок, а подавай вам областной.

Работали вы в санатории. И вам не понравилось там. Любой труд почетен у нас. Тысячи девушек, ваших подруг, из Москвы, Ленинграда, Киева едут на Восток создавать новые заводы, фабрики, электростанции, совхозы. Советую вам, Женя, не кичиться, не воображать бог весть что, а быть простой девушкой. Такой, как наши доярки, птичницы, телятницы. Не бойтесь деревни. Предупреждаю, что вам до стиляжничества осталось, как говорится, только покачнуться, если вы уже не скатились.

Не хотите далеко уезжать, приезжайте к нам в колхоз «Красный путиловец», Ново-Покровского района, Саратовской области. Многого обещать не могу, но группу коров или телят можно выкроить. Приезжайте! И помните: всякий труд возвышает человека, если он трудится добросовестно, трудится так, чтобы общество сказало: молодец!

С приветом и лучшими пожеланиями в вашей жизни

шофер Владимир **БЛОХИН**

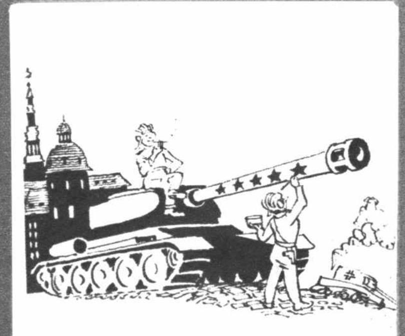
Село Муромка,
Саратовской области.

ПРОШЛО 15 ЛЕТ

Чехословакию я посетил дважды: первый раз — в 1945 году, второй — в 1960-м. Сравнивая зарисовки военного времени с новыми впечатлениями, я нашел некоторые схожие черты, которым время придало новый, прекрасный смысл.

Ю. Черепанов

1945 **1960**

Последний подбитый фашистский танк. Танкист отмечает победу.

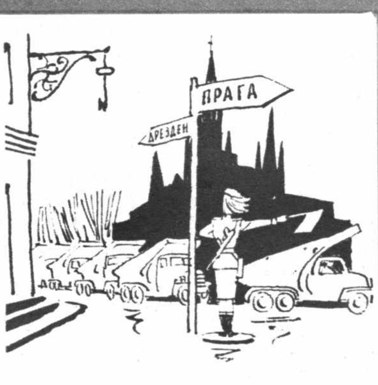
Эти звезды тоже означают победу.

«Катюши» пользовались огромным успехом.

Советская космическая ракета сияет на многоэтажном здании универмага «Белый лебедь» в центре Праги.

Кто из фронтовиков не знает эту девушку с флажками!

Красные флажки мелькают сейчас на всех новостройках.

БОРЬБА С САМИМ СОБОЙ

Рисунок И. Массины.

На все вкусы

На Московском пищевом комбинате имени Микояна есть цех, где время от времени раздаются оглушительные выстрелы и где в разговорах обычны такие слова: «пушка», «дуло», «пушкарь». Это цех воздушной кукурузы.

Аппарат загружен, отверстие дула плотно закрыто крышкой. Рабочий зажигает горелку и включает мотор. Во вращающемся дуле поднимается давление, доходит до двенадцати атмосфер, пушкарь сбивает крышку, с оглушительным взрывом из дула вылетают разбухшие под большим давлением зерна — воздушная кукуруза.

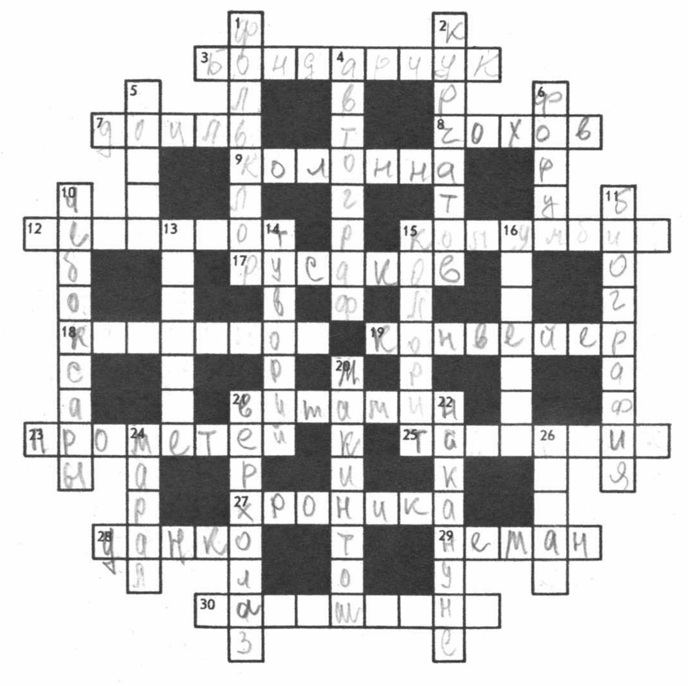
Хлопья получают в другом цехе. Огромный автомат расположился на пяти этажах. Кукуруза путешествует сверху вниз, постепенно видоизменяясь, и наконец превращается в тонкие пленки — хлопья.

Хлопья и воздушная кукуруза попадают во власть сладких сиропов, карамельных составов, красителей. Воздушную кукурузу глазируют в сахаре — получается разноцветное драже, а в карамели она очень напоминает миндаль в сахаре. Хлопья можно покрыть тонким шоколадным слоем.

Для тех же, кто сладкому предпочитает соленое, на комбинате будут изготовлять соленую кукурузу: «Столовую», «Любительскую» и соперницу воблы — кукурузу к пиву.

Г. БАРАНОВА

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Известный советский киноактер. 7. Английский писатель, автор детективных произведений. 8. Мастер, отливший «Царь-пушку». 9. Архитектурно оформленная опора. 12. Зубчатая передача. 15. Государство в Южной Америке. 17. Русский полярный исследователь. 18. Мерило для оценки. 19. Транспортер. 21. Органическое вещество, необходимое для жизнедеятельности организма. 23. Один из титанов в древнегреческой мифологии. 25. Название многих колючих растений. 27. Вид информации. 28. Герой раннего произведения М. Горького. 29. Река, впадающая в Балтийское море. 30. Распространенный сорт яблони.

По вертикали:

1. Произведения народного творчества. 2. Выдающийся ученый-физик. 4. Собственноручная подпись, надпись или рукопись. 5. Остров в Ионическом море. 6. Площадь для собраний в Древнем Риме. 10. Столица автономной республики. 11. Жизнеописание. 13. Струнный музыкальный инструмент. 14. Химический элемент, металл. 15. Сочетание цветов картины. 16. Пресноводная рыба. 20. Плащ из прорезиненной ткани. 21. Специалист по работам на высоте. 22. Роман И. С. Тургенева. 24. Благородный олень. 26. Серый заяц.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 18

По горизонтали:

4. Левитан. 6. Сирень. 7. Женева. 9. Рифма. 12. Парник. 14. Эльзас. 15. Аметист. 16. Афиша. 17. Дадон. 18. Вальс. 22. Леггорн. 24. Пародия. 26. Бове. 27. Арысь. 28. Омар. 29. Гигант. 30. Афелий.

По вертикали:

1. Сейнер. 2. Пасека. 3. Прилунение. 5. Кавалькада. 8. Карнавал. 10. Футбол. 11. Пашенная. 13. Кама. 14. Этюд. 18. Вариант. 19. «Свадьба». 20 Агрегат. 21. Соловей. 23. Ежовик. 25. Италия.

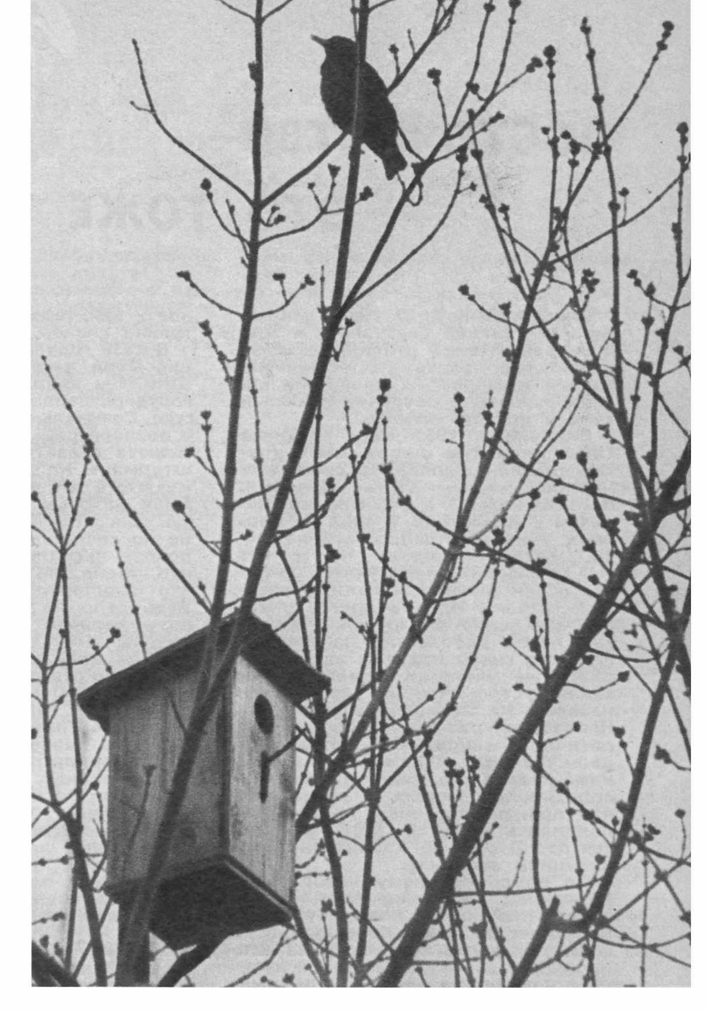
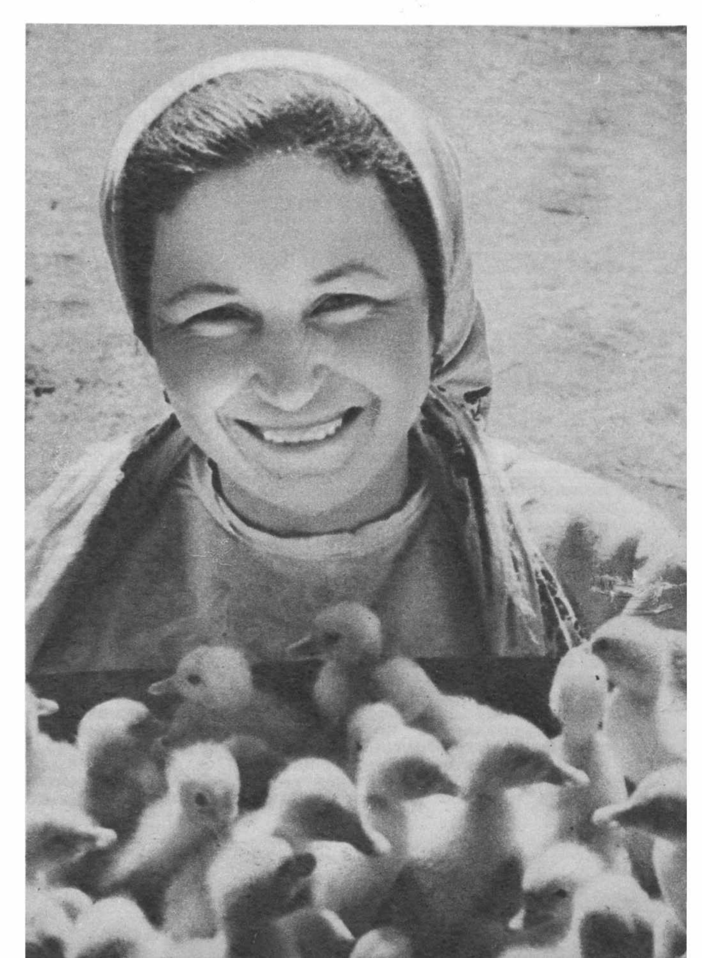

Фото Я. Рюмкина.

Долгож

— Вот они, ранние, весенние,— говорит лучшая птичница колхоза Анна Лепская.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный—Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы—Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00300 Подписано к печати 5/V 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 609. Заказ № 1207.

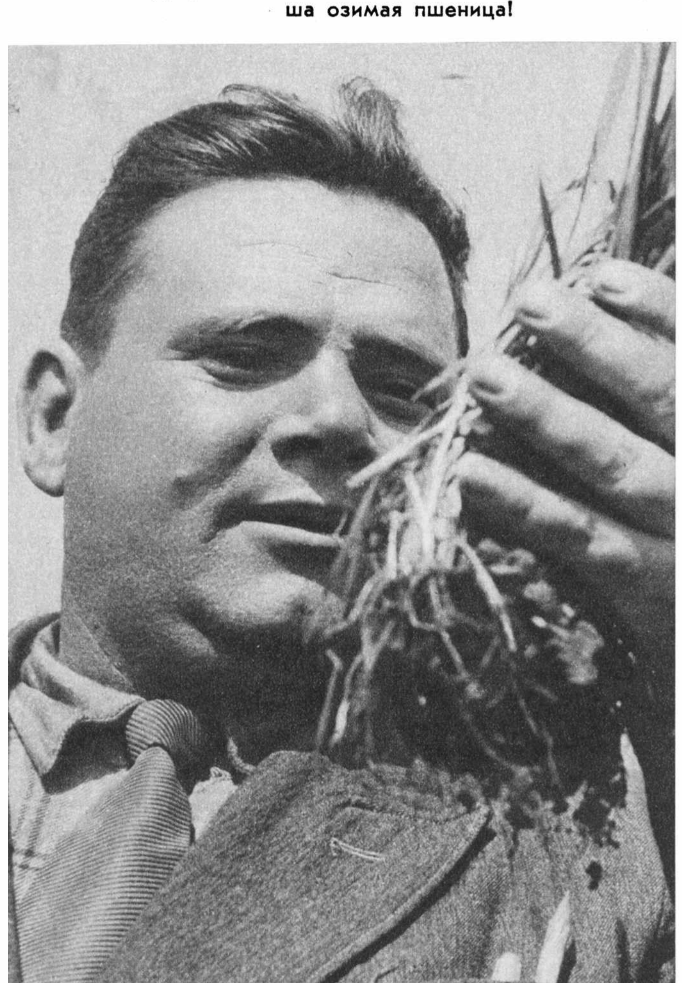
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Он тоже участник сева, летчик Максим Гуржий: поля теперь удобряют и с воздуха.

данная...

Доволен колхозный агроном И. А. Богач: хороша озимая пшеница!

Идет сев подсолнуха.

Пришла весна. Ее ждали всюду. Ждали ее и в колхозе имени Ленина, (Одесская область). Мечтали быстрее начать сев. Мечтали распахнуть окна навстречу весеннему теплому солнцу. И вот пришла она, долгожданная весна, а вместе с ней горячая пора на поле, когда дорог каждый час: сев надо провести в самые короткие сроки!

У витрины цветочного магазина. Москва.

Фото Р. Яковлева.

Цена номера 3 руб.